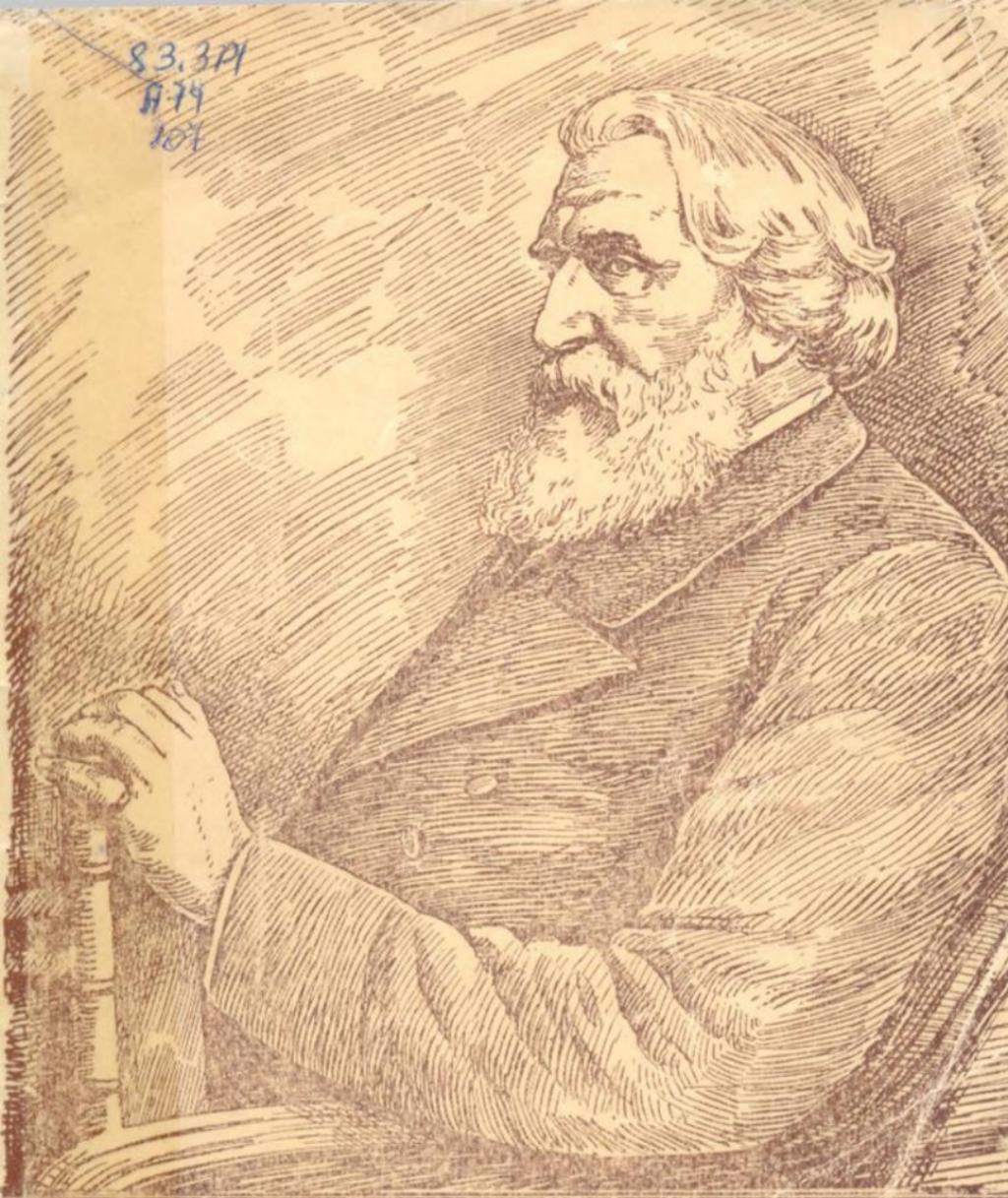

83.3Р1
874
107

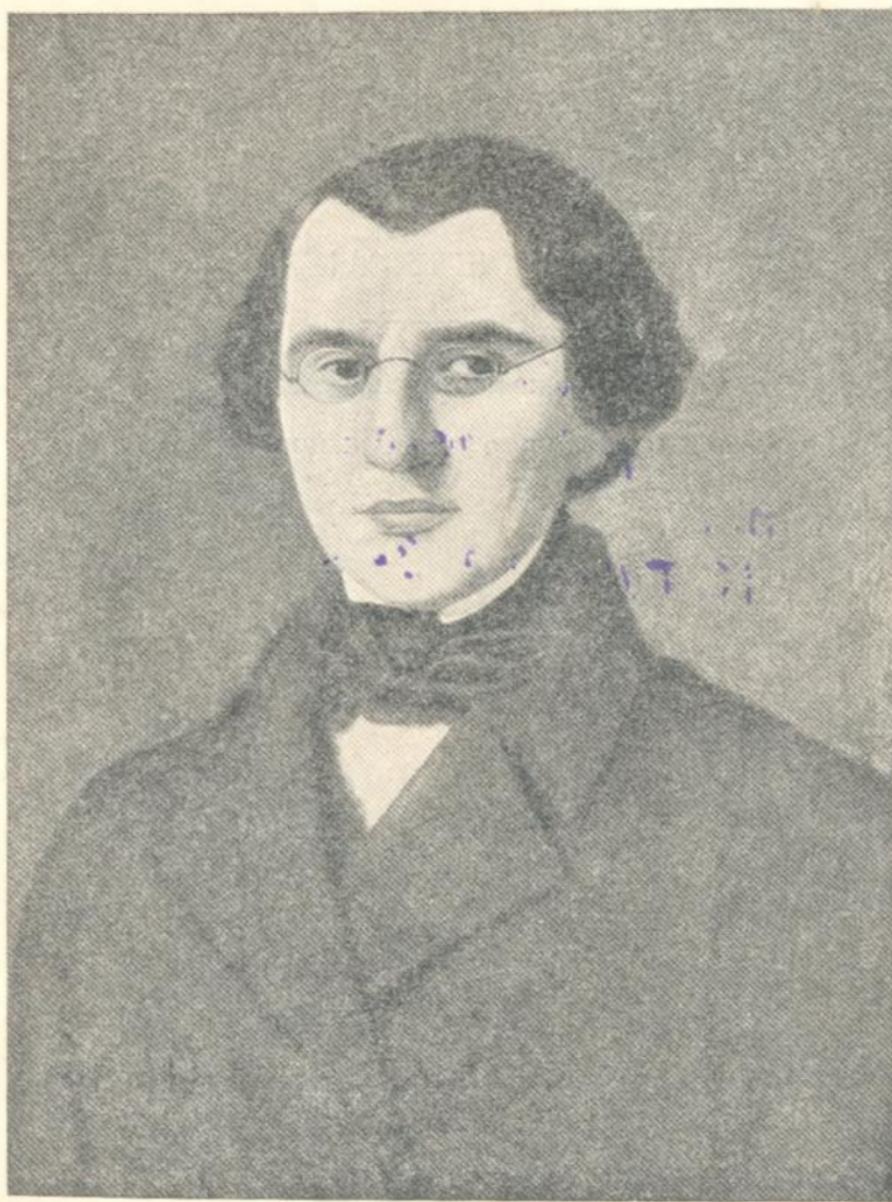
И.С. ТУРГЕНЕВ

Государственный музей * 1947

«РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ»

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

И. С. Тургенев в начале 40-х годов
Портрет работы Лами (масло).
(Государственный Литературный музей)

Н. АНЦИФЕРОВ

И. С. ТУРГЕНЕВ

1818—1883

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*Под редакцией
доктора исторических наук
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
МОСКВА * 1947

Имя Ивана Сергеевича Тургенева принадлежит к числу тех имен, которые не боятся времени. Проходят года, десятилетия... пройдут века, а литературное наследие автора «Записок охотника» останется дорого русскому народу. С каждым новым поколением, с каждой сменой «отцов» «детьми» творчество Тургенева осмысливается по-новому. Нас отделяют от той эпохи, когда творил Тургенев, года, насыщенные потрясающими мир событиями, каких не знала история. И тем не менее, несмотря на все коренные изменения в жизни общества, живым остается интерес к глубокому и изящному творчеству Тургенева, отразившему его веру в русский народ, его любовь к родной природе, его восхищение русской женщиной.

I

Тургенев родился 28 октября 1818 года в г. Орле, в родовитой дворянской семье. Отец его, Сергей Николаевич, служил в кирасирском полку. Его мать, Варвара Петровна, урожденная Лутовинова, женщинаическая до жестокости, была владелицей имения Спасское-Лутовиново. Она изображена в образе помещицы в «Муму». В повести «Пунин и Бабурин» получило отражение детство Тургенева. Для будущего писателя несомненно имел значение живой интерес к художественной литературе его родителей.

Однако культурная обстановка, окружавшая детство Тургенева, не заглушила в его сознании темных сторон барской усадьбы. Быт крепостной России воспитал в душе ребенка ненависть не только к крепостному праву, но и ко всем формам угнетения. Тургенев проникся с ранних лет глубокой симпатией к народу. Уважение к человеческой личности, любовь к свободе и родине стали основными свойствами его души.

Вместе с тем Спасское-Лутовиново развило в Тургеневе нежную и зоркую любовь к родной природе.

Природа и люди Орловского края проходят через все произведения Тургенева, начиная с «Записок охотника» и кончая «Стихотворениями в прозе». Его большие романы: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети» так же связаны с этими родными ему местами, как и его рассказы и повести: «Фауст», «Три портрета», «Три встречи», «Степной король Лир».

Жители Орла чтили «дом Лизы Калитиной», расположенный на высоком берегу над Орликом, — это вдохновившее писателя «дворянское гнездо». На кладбище Спасского-Лутовинова показывали могилу степного короля Ли-ра — помещика Степана Ивановича Ярышева, изображенного Тургеневым в образе Харлова. Надмогильная надпись этого погоста попала в рассказ «Льгов». В старом доме Спасского-Лутовинова сохранялся портрет, пробитый шпагой на месте сердца («Три портрета»), и тот диван «самсон», сидя на котором, Увар Иванович мечтал о грядущем сильном русском человеке; на одной стене дома в Спасском висело изображение любимой собаки Тургенева, упомянутой в «Бежином луге», английской желтопегой Дианки — «решительно умнейшей из всех четвероногих тварей». Ее могила сохранилась в саду. «Бежин луг» и «Красивая Мечка» — все это не вымыслы поэта, а были близких и отдаленных от Спасского-Лутовинова уголков родного писателю края.

Благодаря этому стремлению Тургенева запечатлеть родные места, мы имеем превосходное описание парка Спасского-Лутовинова в «Фаусте»: «Сад удивительно похорошел: скромные кустики сирени, акаций, жимолости (помнишь, мы их с тобой сажали) разрослись в великолепные, сплошные кусты. Березы, клены — все это вытянулось и раскинулось, лиловые аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле, — песку у меня, ты знаешь, нету. Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера среди дня я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой цвет, сильный и мягкий, даже в тень проникал он... а что слышалось птиц!»¹.

¹ И. С. Тургенев. Сочинения, т. VII, стр. 163, ГИЗ. М. 1930.

Тургенев, по свидетельству М. А. Щепкина, говорил, что каждый кустик в саду Спасского дорог ему по воспоминаниям детства, что милые образы и события вереницей встают перед ним, когда он приближается к Спасскому-Лутовинову. Здесь протекало его детство. В Спасском находил он желанный отдых от своих бездомных скитаний по Европе. Сюда он был выслан в 1852 году Николаем I за сочувственную статью об умершем Гоголе. «Домиком ссыльного» назывался флигель старого дома, где он тогда поселился, а посаженная им в это время аллея носила название «Аллея ссыльного». Здесь в 1855 году в беседке под купой старых лип Тургенев писал «Рудина». Здесь он заканчивал «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети». Здесь росла старая раздвоенная ель — «два брата», испещренная надписями, вырезанными в коре самим хозяином и его гостями.

В Спасское к Тургеневу приезжали: Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, Я. П. Полонский, молодая артистка М. Г. Савина, английский литератор В. Ральстон. Всеволод Гаршин здесь написал свой рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова».

В 1827 году семья Тургенева переехала в Москву. Мальчика отдали в пансион, из которого он в 1833 году поступил на словесный факультет Московского университета. Это были годы большого подъема умственкой жизни среди студенчества. Русская молодежь пробуждалась после разгрома движения декабристов. Исkanие правды жизни определило ее интересы в области философии, литературы, искусства, науки.

Студенческие годы нашли отражение в ранней повести Тургенева «Андрей Колосов» и в особенности ярко очерчены в «Рудине» (рассказ Лежнева о кружке Покорского). «Вы представьте: сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухари к нему старые-престарые; а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии, — говорим иногда вздор, восхищаемся пустяками; но что за беда!»¹.

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. V, стр. 62.

Из Московского университета Тургенев в 1834 году перешел в Петербургский университет, который окончил в 1836 году. В числе его профессоров были лица, тесно связанные с литературной жизнью Петербурга: Н. В. Гоголь, читавший курс всеобщей истории, П. А. Плетнев — друг Пушкина — после смерти поэта продолжатель основанного им «Современника»; А. В. Никитенко, впоследствии редактор того же журнала, перешедшего в ведение Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.

Тургенев не скоро осознал свое призвание. Он готовил себя к научной деятельности, мечтал о кафедре философии. В целях пополнения своего образования он переехал в Берлин. Этот город в те годы привлекал молодежь, интересовавшуюся философией.

В Берлине Тургенев сблизился с лучшими представителями русской молодежи: Т. Н. Грановским, Н. В. Станкевичем, М. А. Бакунином. Тургенев засел за Гегеля и основательно изучил его. Однако в философии он искал прежде всего не «чистой мысли», а ответов на вопрос «как жить» и, прежде всего, «что делать» для блага родины.

Во время своей первой поездки за границу Тургенев посетил и Италию. Эта страна глубоко поразила его. Он и позднее путешествовал по Италии. Впечатления, вынесенные из поездок (1840 и 1857—58 гг.), нашли отражение в ряде произведений Тургенева («Вечер в Сорренто», «Три встречи», «Призраки», «Накануне», «Песнь торжествующей любви»).

Пребывание в Риме еще более сблизило Тургенева со Станкевичем, который доживал последние месяцы своей короткой жизни.

В письме к М. А. Бакунину Тургенев подвел итоги своей первой заграничной поездки:

«Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев!... В Риме я нахожу Станкевича. Понимаешь ли ты переворот, или нет, начало развития моей души! Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал служению истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих реций!.. Я приехал в Берлин, предался Науке — первые звезды зажглись на моем небе — и, наконец, я узнал тебя, Бакунин. Нас соединил Станкевич — и смерть не разлучит»¹.

¹ М. К. Клеман. «И. С. Тургенев», стр. 11. Л. 1936.

В этом отрывке ярко выражена та романтическая восторженность, которая была свойственна эпохе 30—40-х годов. Как характерно это начертание слов — Поэзия и Наука с большой буквы!

Впоследствии Тургенев критически пересмотрел свои юные увлечения. Он переоценил молодого «Мишуля» (Бакунина), но образ Станкевича навсегда сохранил свое обаяние. В романе «Рудин» Тургенев отразил свое отношение зрелых лет к друзьям юности. Отшел он и от идеалистической философии. В 40-х годах И. С. Тургенев вместе с передовыми умами своего времени — Белинским, Герценом, Огаревым проявил большой интерес к книге Л. Фейербаха «Сущность христианства».

В 40-х годах мыслящая часть русского общества распалась на два лагеря — западников и славянофилов. Тургенев по возвращении на родину примкнул к западникам и стал одним из наиболее последовательных проводников идей этого лагеря. В отличие от славянофилов — противников реформ Петра Великого, западники расценивали русский народ как один из европейских народов, как любил выражаться Тургенев про русского человека — « Homo europaeus »¹. Западники были убеждены, что на широких путях мирового развития, а не на уединенных дорогах, русский народ сможет скорее достигнуть максимального раскрытия своих богатейших возможностей. В Петербурге Тургенев сблизился с самым пылким и непримиримым противником славянофилов — с «неистовым Виссарионом» Белинским.

А. И. Герцен в своем некрологе, посвященном К. С. Аксакову, подвел итоги разногласиям этих двух лагерей: «Да, мы были противниками их, но очень странными, у нас была одна любовь, но не одинаковая. И мы... смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно»². Герцен имел в виду любовь к родине, которая при всей ее неодинаковости объединяла и западников и славянофилов. Эту любовь ценил в своих противниках и Тургенев. В «Дворянском гнезде» он вкладывает в уста Лаврецкого в его споре с «западником» Панининым мысли, близкие славянофилам.

¹ Европейский человек.

² «Колокол», л. 90. «К. С. Аксаков» (перепечатан некролог в XI томе. Полн. собр. соч. А. И. Герцена, стр. 11).

В 1841 — 1842 годах Тургенев, проживая в Москве, все более сближался с семьей Бакуниных, в которой преобладали философские интересы. Он охотно посещает их имение Премухино (в Тверской губернии). В этом просвещенном «дворянском гнезде» образовался особый культ возвышенных мыслей и чувств. Сестры М. А. Бакунина вполне разделяли увлечения брата, в котором чтили свой идеал человеческой личности. Атмосфера прямухинской романтики произвела большое впечатление и на Белинского и на Станкевича. Поддался ее обаянию и Тургенев. Он увлекся сестрой Мишеля — Татьяной. Напряженная до болезненной экзальтации любовь не оказалась прочной. Она была чужда реальной натуре Тургенева. На долгие годы остановила она горький след в душе писателя. В повести «Переписка» и в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» легко узнать печальные отголоски этой требовательной любви, основанной на воображении.

Первоначально на вопрос «что делать» Тургенев отвечал: «служить науке» и усердно готовился к защите диссертации. Но личные вкусы влекли его к другому. Русская литература в большей степени, чем русская гуманитарная наука того времени, давала возможность воздействовать на ту «гнусную российскую действительность» николаевщины, которую проклял Чаадаев в «Философическом письме», обличал в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Гоголь и не уставал бичевать Белинский. «Тогда у меня бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым» — вспоминает Тургенев, — «но... вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским... начал писать стихи, а затем прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены были в стороне: я всецело отдался русской литературе»¹.

В. Г. Белинский близко сошелся с начинающим писателем. Он встретил в Тургеневе соратника по борьбе со славянофилами, вместе с тем он оценил самостоятельность позиций Тургенева. В письмах к друзьям Белинский дал ряд интересных характеристик своего нового знакомого.

«Тургенев очень хороший человек, и я легко сближаюсь с ним. В нем есть злость, и желчь, и юмор, он глубоко понимает Москву и так воспроизводит ее, что я пьянею от

¹ И. С. Тургенев в рассказах о своей жизни. «Русская старина», т. X, стр. 206, 1883.

удовольствия¹. Под «Московой» «неистовый Виссарион» понимал в данном случае лагерь славянофилов. Итак, первоначально Белинского и Тургенева объединяло их западничество. Вскоре Белинский писал: «Я несколько сблизился с Тургеневым: это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседа и споры с ним отводили мне душу... отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры... Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного»².

Сближение с великим критиком содействовало, как мы уже отмечали, осознанию Тургеневым своего подлинного призыва.

Сороковые годы были годами творческих исканий Тургенева и изумительных достижений. Он пробовал себя в лирике, в поэмах, в драматургии, в повестях.

С упорством начинающий писатель нащупывал путь, наиболее соответствующий его таланту. Он еще не самостоятелен. Он нуждается в учителях. Он ищет, к каким литературным традициям следует примкнуть. На раннем творчестве Тургенева можно узнать следы влияния Пушкина, Лермонтова, Гоголя наряду с влиянием Байрона, Альфреда де Мюссе, Жорж Санд...

В многообразных опытах Тургенева нет лихорадочного метания от одного жанра к другому. Он ищет с какой-то спокойной твердостью. Сомнения, посещавшие его порой, не колебали решения посвятить себя литературе. О Тургеневе можно сказать словами Пушкина: он «знал и труд и вдохновенье».

Тургенев не боялся влияний других художников слова. Он умел выбирать учителей, которые могли помочь ему найти себя, проложить свой собственный творческий путь. Уже в юные годы он твердо стал на него. Пройдет немного лет и Тургенев вырастет в писателя, начавшего оказывать заметное влияние на мировую литературу.

Печататься начал Тургенев как поэт. В первой книжке «Современника» 1838 года появилась «дума» молодого автора: «Вечер». В ней выражено то чувство одиночества перед лицом природы, которое впоследствии Тургенев от-

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 357. 1914.

² Там же, стр. 360.

разил в повести «Поездка в Полесье» и в своих «Senilia». Среди стихотворений начала 40-х годов следует отметить балладу «Перед воеводой молча он стоит», приобретшую широкую популярность благодаря музыке А. Рубинштейна.

В поэмах Тургенева, встреченных сочувственно критикой, в особенности Белинским, затронута одна из тем, всегда привлекавших писателя, — тема дворянских гнезд.

В «Параше» (1843) можно отметить и байроническую тему — разочарованного героя-скитальца, и гетеевскую тему Мефистофеля-беса. Но иронической трактовкой этих тем юноша Тургенев уже с первых же шагов преодолевает западноевропейскую литературную традицию.

Первая его поэма непосредственно примыкает к «Евгению Онегину» (построение стиха, лирические отступления, трактовка женского образа, в своей цельности и силе поднятого над образом скучающего героя, питавшегося чужими мыслями). Белинский оценил в поэме «Параша» «верную наблюдательность, глубокую мысль, выхваченную из тайника русской жизни, изящную и тонкую иронию, под которою скрывается столько чувства»¹. Ту же пушкинскую традицию продолжает и поэма «Андрей» (1845). Иной жанр поэмы «Помещик»,озвучной физиологическим очеркам натуральной школы. Однако и эта поэма выросла на почве «Евгения Онегина». В ней развиты сцены помещичьего быта, лишь намеченные Пушкиным в его поэме (например, бал у Лариных). Спецификой поэмы «Помещик» является преобладание в ней таких жанровых сцен. Особняком стоит поэма «Разговор». В ней развита лермонтовская тема противопоставления немощного современного поколения людям былых времен. И по внешней форме эта поэма напоминает лермонтовский стих.

На сороковые годы падают и первые опыты Тургенева в области драматургии. Отличительной особенностью этих опытов является быстрая смена драматургических жанров. Тургенев переходит от одного к другому, не закрепляя своих достижений. Его первый опыт — драматическая поэма «Стено», написанная еще в 1834 году, являлась слабой попыткой создания на русском языке философской драмы. Следующий драматургический опыт Тургенева падает на 1843 год. Пьеса «Неосторожность» была последней

¹ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. II, стр. 750. П. 1919.

данью западноевропейскому романтизму. Бурные страсти, кровавые сцены старинного испанского театра привлекли интерес Тургенева благодаря очередной мистификации Пропсера Мериме, создавшего под псевдонимом «Клара Газюль» ряд пьес в духе театра «плаща и шпаги». Вслед за этим в 1845 году Тургенев в модном жанре водевиля пишет «Безденежье», а в 1849 году — «Завтрак у предводителя». Чрезвычайно удачен был опыт Тургенева в жанре комедии-пословицы. К этому жанру могут быть отнесены: «Где тонко, там и рвется» (1847) и «Вечер в Сорренто» (1852).

Особый интерес представляют психологические драмы; лучшие из них: «Нахлебник» (1848), «Холостяк» (1849) и «Месяц в деревне» (1850). Две первые тесно связаны с проблематикой натуральной школы. Тургенев внес в драматургию тему гоголевской «Шинели», тему об униженных и оскорбленных. «Нахлебник», а в особенности «Холостяк» весьма близки к ранним повестям Достоевского. Психологическая драма «Месяц в деревне» лишь только своей ситуацией напоминает пьесу Бальзака «Мачеха» (соперничество мачехи и падчерицы). Однако это внешнее сюжетное сходство ни в коей мере не ослабляет самобытности Тургенева, поставившего в центре событий разночинца-студента, в образе которого критика отмечала предтечу Базарова. Вообще зарисовка всех персонажей «Месяца в деревне» сделана в мягкой и тонкой, чисто тургеневской манере, придающей пьесе совершенно особую прелесть.

Цензура отнеслась с чрезвычайной строгостью и подозрительностью к пьесам Тургенева. В особенности получил резкую оценку «Нахлебник». Цензурный комитет запретил эту комедию как «совершенно безнравственную и наполненную выходками против русских дворян, представленных в презрительном виде»¹. Первой из своих пьес Тургенев увидел на сцене «Холостяка». В ней играл гениальный Щепкин. Позднее в этой же пьесе автор видел Мартынова. Несмотря на успех некоторых постановок пьес Тургенева, он «не признавал в себе драматического таланта». Так писал Тургенев в предисловии, выпускавшая собрание своих «сцен и комедий». Тургенев полагал, что его драматургические опыты «неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении»².

¹ И. С. Тургенев. Цнт. изд., т. III, стр. 241.

² Там же, стр. 5.

Взыскательный к себе автор ошибался. Его комедии завоевали прочное и почетное место в театральном репертуаре¹.

Все разнообразные опыты молодого Тургенева (в области лирики, в поэмах, в драматургии) представляют большой интерес и не утратили своего значения и в наше время. Но не в этих жанрах талант Тургенева обнаружил себя с полным блеском. Его неувядающую славу создала художественная проза: романы, повести, рассказы. В эти же столь плодотворные 40-е годы Тургенев начал писать повести. В «Андрее Колосове» (1844) автор — «враг всего неопределенного» (выражение Белинского) — вывел цельную, гармоничную натуру, легко и свободно прокладывающую свой жизненный путь. Тургенева и как человека и как писателя всегда привлекали люди гармоничные, которых он противопоставлял заеденным рефлексиям «гамлетам».

Как в области других жанров, так и в своих первых повестях Тургенев отразил различные влияния. В «Петушкове» легко узнать интонацию Гоголя, в «Бреттере» и в «Трех портретах» — Лермонтова. Тем не менее молодой автор с первых же шагов в области художественной прозы сумел проявить свою творческую индивидуальность как в своем отношении к явлениям жизни, так и в области языка, изящного и точного.

В сороковые годы Тургенев начал писать рассказы, названные по совету И. И. Панаева «Записками охотника». Не думал тогда «степной помешник», что именно эти рассказы принесут ему мировую славу.

II

В 1847 году в первой книжке «Современника» появился рассказ «Хорь и Калиныч». Белинский писал Тургеневу: «Вы и сами не знаете, что такое «Хорь и Калиныч»... Судя по «Хорю», вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род... Найти свою дорогу, узнать свое место — в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою»².

¹ «Тургеневские спектакли» явились одним из лучших достижений Художественного театра. Но не только комедии Тургенева нашли место в театре. Его романы, переделанные для сцены, пользовались большим успехом, в особенности «Дворянское гнездо». В настоящее время советскими драматургами для сцены переделаны роман «Накануне» и повесть «Вешние воды».

² В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 180. 1914.

ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА.

Бумага И. Н. Кудогина
на память
старого друга,
от
автора.

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1852.

Титульный лист «Записок охотника» с автографом И. С. Тургенева
(Из собрания книг с автографами, хранившихся в Государственном Литературном музее.)

Итак, наконец, путь Тургеневым найден. Великий критик это подтвердил.

В 1852 году автор собрал все относящиеся к этому циклу рассказы, и «Записки охотника» вышли отдельной книгой. Однако автор не считал свою работу оконченной. В 70-х годах он вернулся к «Запискам», доработал давно начатые наброски: «Конец Чертопханова» (1872), «Живые монстры», «Стучит...» (1874).

Успех книги превзошел все ожидания Тургенева. «Записки охотника» отвечали в полной мере назревшей потребности. Проблема положения крестьянства, основной массы русского народа, со всей остротой поставленная еще Радищевым, не переставала волновать лучших людей России. Реакция, последовавшая за событиями 14 декабря, не могла убить в русском обществе сознания необходимости борьбы с крепостническим бесправием. Герцен и Огарев на Воробьевых горах принесли клятву бороться за народное благо. Принес свою клятву и их младший современник. В «Записках охотника» Тургенев видел орудие борьбы за раскрепощение народа. Рассказы из этого цикла, начатые в России, Тургенев дополнил уже на чужбине. Во второй половине января 1847 года он покидает снова свою родину.

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев дает весьма интересное объяснение этому отъезду. «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага за тем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва, и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить... Я, конечно, не написал бы «Записок охотника», если бы остался в России¹. В этом признании особый интерес представляет утверждение о необходимости покинуть родину для борьбы во имя ее блага. Герцен и Огарев показали это на своем примере. Не их ли в

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. XI, стр. 385.

частности имел в виду Тургенев, когда писал, что не один принес Аннибаловскую клятву? Не один автор «Записок охотника» полагал тогда, что за пределами царской России можно успешнее служить родине. Интересно и другое утверждение Тургенева: он сознавал в себе недостаток надлежащей выдержки, твердости характера, чтобы суметь внутри крепостнического государства бороться за его коренное изменение. Не имел ли в виду Тургенев тех революционных демократов, у которых была и «надлежащая выдержка» и «твердость характера», чтобы до конца вести борьбу за народное благо, не покидая своей родины? Как бы ни судил строго себя Тургенев в отношении своего труда, он не ошибся: «Записки охотника» нанесли чувствительный удар врагу.

15 августа 1852 года последовала резолюция Николая I об отстранении от должности цензора В. Б. Львова, допустившего к печати «крамольную» книгу. Попечитель Петербургского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин приказал ее сжечь.

Что же так испугало царя и «прилежащие власти»? Что давало право самому Тургеневу расценивать свою книгу как выполнение Аннибаловской клятвы? В «Записках охотника» противопоставлены друг другу два враждебных класса русского общества таким образом, что все симпатии читателя вызывал класс угнетенных — крестьяне. Тургенев не только сумел правдиво и художественно показать всё своеобразие, сложность и привлекательность личности «мужика», но и разрешить эту задачу так, что у читателя должна была возникнуть мысль о вопиющей несправедливости порабощения крестьян помещиками, обрисованной Тургеневым со сдержанной, но тем сильнее убеждающей критической силой. Министр народного просвещения писал в своем докладе царю Николаю о «Записках охотника»: «Значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к уничтожению помещиков»¹. Наиболее в этом отношении выразительными рассказами явились: «Бурмистр» (1847), «Контора» (1847), «Бирюк» (1847), «Два помещика» (1850). Все эти рассказы написаны за границей. Это обстоятельство заслуживает внимания. Тургенев утверждал, что ему нужно отойти от России, чтобы нанести ее угнетателям наиболее сильные удары.

¹ М. К. Клеман. «И. С. Тургенев», стр. 49. Л. 1936.

Особенно интересно, что Тургенев в своей критике дворянства осудил не только людей невежественных и отсталых, он показал крепостническую сущность, скрытую под маской просвещения, в «либеральном» помещике Аркадии Павловиче (рассказ «Бурмистр»).

В. И. Ленин оценил общественное значение этого образа и сослался на него в статье «Памяти графа Гейдена».

В те годы, когда Тургенев писал «Записки охотника», жанр крестьянских рассказов приобрел большую популярность как в России, так и на Западе. У нас с этим жанром связано имя Григоровича, за границей—имена Ж. Санд, Б. Ауэрбаха. Но ни один из названных авторов не дерзнул так осветить социальную неправду отношений помещиков и крестьян, как это сделал Тургенев. Не только в этическом плане в «Записках охотника» осуждены эти отношения. Тургенев обличил их в социальном плане, показав также обнищание дворянства, неприспособленность его к условиям зарождающегося капитализма. В рассказе «Малиновая вода» описано, как на месте сгоревших господских хором, некогда окруженных оранжерейами, мастерскими, каретными сарайми и другими, более или менее полезными зданиями, устроен огород, кое-где загроможденный грудами кирпичей. У оскудевших бар нет уж средств восстановить погибшее.

Но не этот мир бар составляет основное содержание «Записок охотника». Ему контрастно противоставлен русский трудовой народ, преимущественно крестьянство.

В русском мужике Тургенев подчеркивает «цельность натуры», «гармоничность всего его существа». Чрезвычайно многообразны типы крестьян «Записок охотника». В рассказе «Хорь и Калиныч» противопоставлены друг другу зажиточный крестьянин Хорь и бедный Калиныч. Хорь—практик, «он живет отдельно от прочих... мужиков», это тип будущего «крепкого мужичка», хуторянина, тип нарождающегося кулака. Калиныч совсем не стяжатель, это мечтатель, живущий одной жизнью с природой, страстно любивший слушать рассказы о далеких странах. «Ему и грамота далаась». Он любит и пение, и музыку. Калиныча напоминает и Касьян с Красивой Мечи. Эти образы крестьян-поэтов с особой симпатией описаны Тургеневым. Его влечет к беднякам, наиболее сохранившим в чистом виде исходные свойства русского человека. Тургенева нельзя упрекнуть в том, что он хотел сохранить незыбле-

мым эти патриархальные черты. Вера автора «Записок охотника» в свой народ, в его силу и крепость избавила Тургенева от консервативного страха перед неизбежными переменами. «...Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он непрочь и поломать себя... что хорошо, — то ему и правится, что разумно, — то ему и подавай, а откуда оно идет — ему все равно»¹.

Язык народа и его песня в глазах Тургенева лучше всего выражают существо русского человека. В рассказе «Певцы» дана превосходная характеристика русского пения, русской песни, «правдвой» и «горячей» русской души. Тургенев изображает состязание певцов: «...Полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролегала», — пел он, и всем нам сладко становился и жутко... Русская, пра́вдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо-широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль»². В этой песне отразилась народная душа — необозримо-широкая, горячая и правдивая.

В галлерею портретов русских крестьян Тургенева включены и крестьянские дети. В рассказе «Бежин луг» даны разнообразные характеры подростков, с тем же выделением мечтателей (Костя и Илюша) и реалистов (Павлуша и Федя).

Как бы ни были многообразны описанные Тургеневым люди из трудового народа, их объединяет одна общая черта — целостность их существа, отсутствие той раздвоенности, которую так подчеркивает Тургенев в интеллигентах, вышедших из дворянской среды его времени.

Женские образы из крестьянской среды очерчены Тургеневым со свойственной ему мягкостью и задушевностью, с глубоким сочувствием к «женской доле». Так обрисована «печальная Акулина», полюбившая не достойного ее Виктора, камердинера молодого барина («Свидание»). Так показана «беззаботно удалая» цыганка Маша. Особенно удался Тургеневу женский образ одного из позднейших

¹ И. С. Тургенев. «Записки охотника», стр. 13. П. 1918.

² Там же, стр. 259.

рассказов (цикла «Записок охотника») — «Живые монстры», Лукерья, созвучный Лизе Калитиной, при всем отличии их социального положения. Они обе полны необычайной нравственной силы, обе они окружены сиянием духовной красоты.

Русских людей изображает автор «Записок охотника» в теснейшем единении с природой. Они показаны под небом, залитым «ровной синевой», или на фоне весенних рек со «вспухшим и почерневшим льдом», на фоне полей, по которым бегут «с мягким шелестом» «длинные волны зыбкой ржи», на фоне «широких лугов, мокрых от росы», начертаны они на фоне «синеющих громад хвойного леса».

Глаза и слух Тургенева развиты необычайно. Он умеет воспринять тончайшие оттенки и передать их так, что малейшая деталь гармонически сочетается с целым. Оттого описание природы Тургенева так музыкальны.

«С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кратким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман¹. В русской природе Тургенев постоянно подчеркивает ее скромный, милый, ласковый характер, те черты, которые он так ценил и в русском человеке. «К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось, так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережнонесомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда» («Бежин луг»)².

Это понимание деревенского пейзажа Тургенев пронес через всю жизнь.

В «Деревне» — одном из «Стихотворений в прозе» — Тургенев дает развернутую характеристику русской деревни, сочетающую в единое целое быт и природу: «Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами. И дымком-то пахнет, и травой, и дег-

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. I, стр. 95.

² Там же, стр. 96.

тем маленько, и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух»¹. В этом описании нет обычного для Тургенева богатства оттенков. Здесь все просто, точно и сдержанно. Даже слово берет он простонародное: маленько, дважды повторяя его. Но мысль у Тургенева все та же: показать красоту и раздолье русской природы, ее воздействие на создание широкого и благородного русского характера. «На тысячу верст кругом Россия — родной край», — вот тот высокий патриотический пафос, который владеет писателем.

По своей тематике к «Запискам охотника» примыкает рассказ «Муму» (1852). В этом рассказе исключительной художественной силы описана участь крепостного человека Герасима.

Мысль этой повести прекрасно выразил И. Аксаков: «Мне нет нужды знать: вымысел ли это, или факт, действительно ли существовал дворник Герасим или нет. Под дворником Герасимом разумеется иное. Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы его нравственных честных побуждений... Он разумеется со временем заговорит, но теперь, конечно, может казаться и немым и глухим»².

На долю Тургенева не выпало счастье описать русского человека, когда он заговорил полным голосом.

В те годы внешний облик писателя привлекал общее внимание. Один из современников писал: «Головой и ростом он напоминал нам Петра Великого в молодости»³. Тургенев был огромного роста, широкоплечий. Темные, густые, слегка курчавые волосы обрамляли его широкое лицо с крупными чертами. Глаза — глубокие, задумчивые, темносерые. Улыбку Тургенева называли обворожительной.

III

Время, предшествовавшее выходу в свет «Записок охотника», было грозное время. В 1848 — 1849 годах над Европой пронеслась революционная буря. Известие о падении июльской монархии в Париже застало Тургенева в Брюс-

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. X, стр. 288.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. II, стр. 368.

СПБ. Стр. 75, 2-е изд.

³ Воспоминания Л. Пича, См. «Иностранная критика о Тургеневе».

селе. Тургенев вспоминал: «26-го февраля, в шесть часов утра, я еще лежал — хотя и не спал — в постели, в номере гостиницы, — как вдруг наружная дверь растворилась настежь и кто-то зычно прокричал: «Франция стала Республикой!»... Полчаса спустя я уже был одет, уложил свои вещи и в тот же день несся по железной дороге в Париж... Годы 1793, 1794 невольно воскресали в памяти»¹.

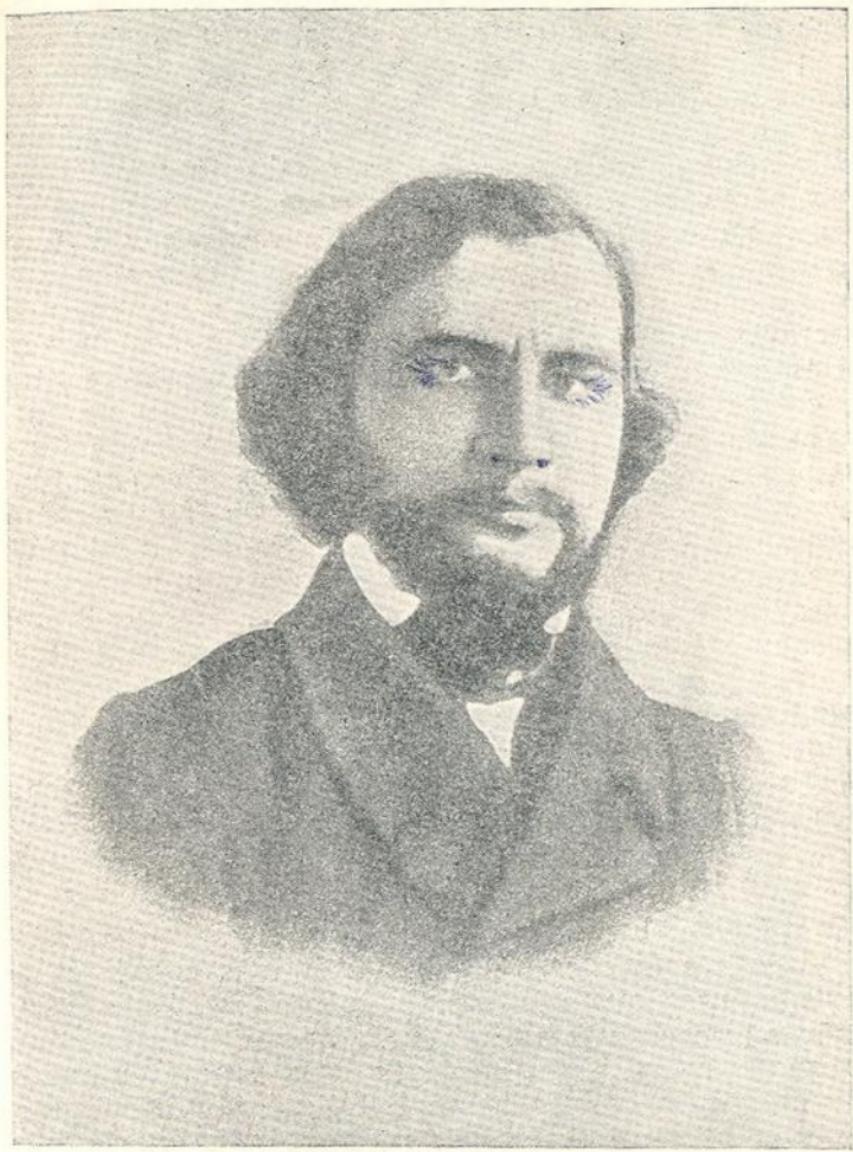
Из этого отрывка видно, как горячо встретил Тургенев весть о вспыхнувшей революции.

Трагические события июньских дней Тургенев переживал с семьей Герцена, с которой особенно тогда сблизился. Вероятно Тургенев в эти месяцы находился под сильным влиянием этого замечательного человека. В своих рассказах, посвященных революционным событиям, Тургенев проявил большую симпатию к восставшим рабочим, героически погибвшим на баррикадах (1848 год нашел отражение в рассказах: «Наши послали» и «Человек в серых очках»). Вспомним, что и роман «Рудин» заканчивается гибелю героя на июньской баррикаде с красным знаменем в руках.

В Париже свирепствовала реакция. Тургенев в эти тяжкие дни еще более сблизился с Герценом и его семьей. В городе вспыхнула эпидемия тифа. Тургенев переехал жить в квартиру, занимаемую семьей Герцена. Здесь он слег в «тифозной горячке». По словам автора «Былого и дум», Тургенев «чуть не умер, однако отходился».

Перед русскими передовыми людьми, которые пережили в Париже революционную грозу, встал вопрос о возвращении в Россию. Он был по-разному решен Герценом и Тургеневым. Герцен остался для продолжения борьбы «вольным словом» за освобождение русского народа. Тургенев же вернулся на родину. Однако и ему не была чужда мысль об эмиграции. Вести, доходившие из России, становились все мрачнее. Испуганный европейскими событиями Николай I встал на путь безудержной реакции. Тургенев колебался, возвращаться ли ему в Россию, и даже задумывался о том, не сделаться ли ему политическим эмигрантом. Однако автор «Записок охотника» не чувствовал в себе призвания к чисто политической борьбе. Свое призвание он видел прежде всего в художественном творчестве, которое расценивал как лучшее для себя средство служения родине. Полный отрыв от России обрек бы его на ху-

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. XI, стр. 485.

И. С. Тургенев в начале 50-х годов
С дагерротипа
(Фототека Государственного Литературного музея).

дожественное осуждение. Тургенев покинул Париж 12 июня 1850 года.

Возвращение на родину не было радостно. Пребывание за границей в годы революционных событий сделало Тургенева неблагонадежным в глазах царского правительства. Выход «Записок охотника» вызвал бурю негодования в рекционных кругах. «Записки» назвали «поджигательной книгой»¹.

В Москве была напечатана статья Тургенева о Гоголе. Умерший писатель в этой статье был назван великим. В частном письме Тургенев писал: «Я чувствую, что в этой смерти этого человека кроется более, чем кажется с первого взгляда, и мне хочется проникнуть в эту грозную и горестную тайну...» «Тяжело... тяжело, мрачно, душно»²... Эти строки с большой силой и точностью передают душевное состояние Тургенева того времени. Статья на смерть Гоголя, запрещенная в Петербурге, появилась в «Московских ведомостях». Ее опубликование дало повод правительству покарать «опасного автора». Тургенев был арестован и заключен на съезжей (в Петербурге). Особенно тяжело было ему слушать крики крепостных слуг, которых приводили по приказу их господ сечь на съезжей. Под арестом Тургенев написал повесть «Муму», обличающую крепостное бесправие. Так автор «Записок охотника», сидя в заключении, еще раз свидетельствовал о своей верности избранному пути.

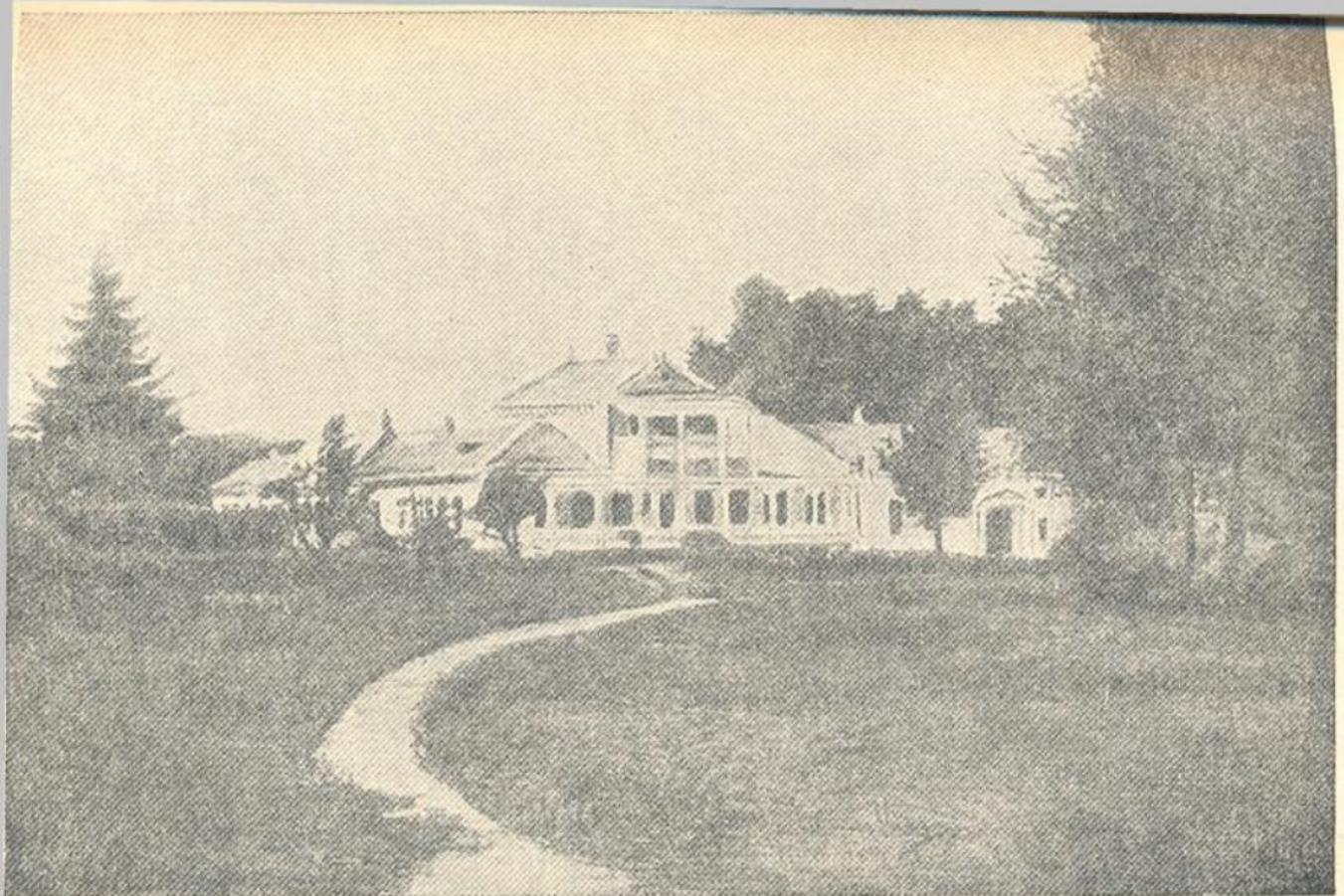
По распоряжению царя Тургенев был сослан в свое родовое имение с запрещением выезда.

IV

Отчий дом Тургенева опустел: его мать скончалась еще в 1850 году в Москве. Ссыльный писатель поселился этот раз не в главном здании Спасского-Лутовинова, а в осененном деревьями домике, получившем название: «флигель изгнаника». Тургенев был теперь поставлен лицом к лицу со своими крестьянами. В письме к литераторуведу С. Венгерову он писал: «Когда же матушка скончалась в 1850 году, я немедленно отпустил дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содейство-

¹ Определение гр. Ростопчиной.

² Из письма И. С. Тургенева к Е. М. Феоктистову. А. Островский. Тургенев в записях современников, стр. 103, изд. 1929 г.

Спасское - Лутовиново. Дом и парк. Работа поэта Я. Полонского (масло).
(Фототека Государственного Литературного музея)

вал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму¹. Тургенев сам тут же дает оценку этим своим мерам, связанным с выполнением Аннибаловской клятвы: «Другой, быть может, на моем месте сделал бы больше и скорее; но я обещался сказать правду и говорю ее, какова она есть. Хвалиться ею нечего, но и бесчестия она, я полагаю, принести мне не может»².

Нужно к этому добавить, что «других», сделавших «больше и скорее», найти не легко. Среди класса помещиков это были единицы. К осени 1859 года Тургенев перевел на оброк всех крестьян, уступив им половину земли за известную годовую плату, а для возделывания земли стал нанимать рабочих. Все это им было сделано за полтора года до реформы Александра II, получившей название «освобождение крестьян».

В своем родном «дворянском гнезде» Тургенев все же не научился «пахать землю», как его Лаврецкий. Но все же он лучше узнал нужды деревни и всю последующую жизнь, по мере возможности, старался их облегчить. Тургенев создает в Спасском-Лутовинове образцовую школу. В одном из писем он писал: «Невозможно допустить, чтобы в моем имении, в имении человека, который обязан всем своим значением перу, существовала плохая и неудовлетворительная школа... Повторяю, школа в Спасском не должна быть только подобием школы, надлежит поставить ее на высокую точку»³. Во время своих посещений Спасско-Лутовинова Тургенев устраивал для крестьян праздники, чтения, раздавал книги. По его приказу была построена богоадельня для престарелых и учреждены пособия.

Память о «добром барине» долго хранилась среди крестьян Спасского.

И. С. Тургенев сумел понять опасность для деревни нарождающегося кулачества. Он говорил: «Вот явление, с которым просто необходимо считаться и не оставлять его без внимания. Скоро, кажется, не будет имения без кулака. Плодятся они положительно, как грибы, и чорт знает, что делают. Это какие-то разбойники. Я думаю

¹ Первое собрание писем И. С. Тургенева, стр. 234. СПБ. 1884.

² Там же.

³ И. С. Тургенев. Материалы и исследования, стр. 61. Орел. 1940

написать рассказ об одном таком «артисте», который так и назову «Всемогущий Житкин»¹.

Этот Житкин был кулак, подложным планом межевания обманувший крестьян Спасского-Лутовинова. К сожалению, автору «Записок охотника» не удалось осуществить этого замысла: рассказ «Всемогущий Житкин» не был написан.

Тургенев с нежностью любил свое родное гнездо. Глубокое волнение овладевало им, когда он приближался к Спасскому-Лутовинову. Милые образы былого вереницей воскресали в его сознании. Здесь ему был дорог «каждый кустик в саду».

В тиши деревни писатель-охотник бродил с ружьем, отдаваясь очарованию любимой им природы. Он посещал соседей-помещиков. В Спасское-Лутовиново в годы ссылки приезжали к нему гости: актер М. С. Щепкин, для которого Тургенев писал пьесы: «Нахлебник» и «Холостяк», поэт А. А. Фет, собиратель фольклора П. В. Киреевский, славянофил И. С. Аксаков. Так прожил Тургенев полтора года. За это время им были написаны (не считая ряда рецензий) две повести: «Постоялый двор» и «Два приятеля». Здесь же он приступил к своему первому роману в поисках больших литературных форм. Тургенев задавал себе вопрос: «Способен ли я к чему нибудь большому, спокойному. Дадутся ли мне простые, ясные линии?»². Первый опыт Тургенева-романиста до нас не дошел. Писатель не смог тогда довести до конца начатый труд. Но решение, принятное в дни ссылки в Спасском-Лутовинове, имело чрезвычайно важное значение для творческого пути Тургенева. Задуманный им роман получил характерное для этого писателя название: «Два поколения». Вступая на путь романиста, Тургенев уже, видимо, сознавал, что ему предстоит стать историком сменяющихся поколений русского общества.

В начале декабря 1853 года Тургеневу был разрешен въезд в столицы, и он покинул Спасское-Лутовиново. В Петербурге опальный писатель был встречен друзьями с горячей симпатией. В честь его возвращения в редакции «Современника» был устроен торжественный обед.

¹ Из воспоминаний С. Н. К. «Исторический вестник», т. XXXIX, стр. 262, 1890 г. № 1.

² К П. В. Анненкову 28 октября 1852 г. М. К. Клеман. «И. С. Тургенев», стр. 70. Л. 1936.

Мысль о романе уже не покидала Тургенева. В июне 1855 года в уединении Спасского-Лутовинова приступил он к работе над «Рудиным». В этом романе автор представил людей своего поколения. Друзья узнали в Рудине—Бакунина, а в Покорском — Станкевича. Тургенев и сам не отрицал этого сходства. Он говорил: «В Рудине я действительно хотел изобразить Бакунина»¹. По поводу другого своего персонажа Тургенев писал: «Когда я изобразил Покорского... образ Станкевича носился предо мной»². Значение образа Рудина как типа было признано современниками романа. Герцен писал по этому поводу: «Говорят, будто И. Тургенев хотел нарисовать портрет Бакунина в Рудине. Но Рудин едва напоминает некоторые черты Бакунина. Тургенев, увлекаясь библейской привычкой бога, создал Рудина по своему образу и подобию. Рудин — Тургенев 2-й, наслушавшийся философского жаргона молодого Бакунина»³. В образе Рудина можно было узнать многих современников автора, настолько рельефно был обрисован герой московских кружков 30—40-х годов. Автор первоначально снизил Рудина. Но после различных переработок Тургенев остановился на диалектическом раскрытии его образа. Сперва был показан восторженный блестящий оратор, волнующий юные сердца, зовущий за собой к новой, более совершенной жизни. Вслед за этим следовала антитеза: Лежнев разрушает «возвышающий обман» и раскрывает в Рудине холодного, безвольного, ходульного человека. Поведение самого Рудина на свидании с Наталией у Авдюхина пруда подтверждает характеристику, данную Лежневым. И, наконец, тот же Лежнев создает синтез из двух противоречивых образов, воздавая должное им же развенченному герою. И сам автор подчеркивает финальной сценой справедливость этой синтезирующей эценки.

Наименования романов Тургенева имели особый смысл: «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1859), «Отцы и дети» (1861), «Дым» (1867), «Новь» (1876). Эти названия — вехи того пути, который прошел Тургенев в своих думах о судьбах русской интеллигентии. Смысл этого пути будет раскрыт в дальнейшем. Не случайно первый роман Тургенева носит название своего

¹ «Тургеневский сборник» под ред. Н. К. Пижанова, стр. 95, 1915.

² «Русские пропилеи», т. III, стр. 137, М. 1916.

³ «Былое и думы», т. III, стр. 140—141. М. 1932.

героя. В нем показан преемник Онегина и Печорина, также «герой своего времени», человек 30—40-х годов, обретенный в условиях николаевской России стать «лишним человеком». (Еще в 1850 году Тургенев показал разновидность этого типа в «Дневнике лишнего человека»). Суд истории признал общественную ценность этих «лишних людей» того времени и вынес им оправдательный приговор. А. М. Горький писал: «Мечтатель Рудин по тем временам был полезнее, чем практик-деятель. Мечтатель — он явился пропагандистом идей революционности, он, так сказать, пахал целину. Что по тому времени мог сделать практик?»¹.

Как для Л. Н. Толстого малиновый репей послужил символом Хаджи-Мурата, так Тургенев для Рудина символом избрал перекати-поле. Это растение, лишенное корней, ветер гонит перед собой по степи. Рудин не мог пустить корня в почву, и автор оправдал его беспочвенность в условиях того времени. Рудин, жертвуя «своими личными выгодами, не пускал корней в недобрую почву, как она жирна ни была»². Роман кончается, как известно, апофеозом героя — он гибнет на чужбине, в Париже, с красным знаменем в руках, защищая дело рабочих, восставших в июньские дни 1848 года. Рудин гибнет безвестным. Товарищи его по борьбе на баррикаде не узнали ни имени его, ни национальности (Рудина приняли за поляка).

Следующий роман («Дворянское гнездо») — уже не роман о герое. Это роман о почве, уже переставшей быть «недоброй», роман не об уходе на чужбину для героической смерти, а о возвращении на родину для служения ей. Рудин всю жизнь тщетно искал ответа на вопрос «что делать?». Этот вопрос ставит и героиня романа «Накануне» Елена: «что делать в России?». Вопросом «что мы будем делать?» занята также Лиза Калитина и решает его по-своему. Можно сказать, что вопрос «что делать?» стоял перед всеми героями романов Тургенева. Лаврецкий («Дворянское гнездо») как будто нашел на него ответ: «пахать землю». (Конечно, не в толстовском смысле. Автор имел в виду деятельность просвещенного и гуманного помещика). Лаврецкий серьезно готовился к работе в своем дворянском гнезде. Мысль о долге перед народом никогда не покидала его. Слушая лекции в Париже, переводя науч-

¹ М. Горький. История русской литературы, стр. 176. ГИХЛ. 1939.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. V, стр. 122.

ные труды, следя за ходом прений в палате депутатов, Лаврецкий утешал себя мыслью: «Я не теряю времени... все это полезно; но к будущей зиме надобно непременно вернуться в Россию и приняться за дело»¹. Путь Лаврецкого в свое Васильевское, описание встречи с родными местами представляют собою непревзойденные образцы художественной прозы. В них вложил Тургенев всю силу своей собственной тоски по родине, много раз им испытанной. Автору не удалось показать, как этот дворянин с проснувшейся совестью гуманного человека применил для блага народа приобретенные на чужбине знания. На путях дворянина, хотя и кающегося, не было выхода к народу. Осенней печалью овеяно «Дворянское гнездо». Тема старости и смерти вносит элегическую мелодию в этот роман, освещенный вечерней зарей. Лаврецкий посещает священные для него места: дом, где жила когда-то Лиза Калитина. Охваченный думами о былом, он подводит безотрадный итог прожитой жизни: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»². Тургенев показал, что в дворянском гнезде уже делать нечего. Взор Лаврецкого с надеждой устремлен к будущему. Он приветствует «младую жизнь», играющую у «гробового входа». Совсем по-пушкински звучат его слова, обращенные к молодежи, слова, полные веры в близость более счастливых времен, которые лежат уже за пределами жизни самого Лаврецкого.

Знаменательно название следующего романа Тургенева — «Накануне». Этот роман уже весь обращен к будущему. Эпигоны людей 40-х годов: молодой ученый школы Грановского — Берсенев и скульптор Шубин, живущий для своего искусства, отодвинуты на второй план: не они герои нарождающейся эпохи. Им противопоставлен патриот-болгарин Инсаров, идущий на борьбу за освобождение своей родины от ее угнетателей. В романе сказано: Россия накануне появления и в ней людей дела, идущих на смену «прекраснодушным» людям слова. Та «черноземная сила», приход которой предсказывает Увар Иванович, сидя на диване «самосон», та сила придет не из дворянских гнезд. Не случайно Инсаров вышел из рядов разночинцев. Борьба за освобождение народа могла носить и националь-

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. V, стр. 169.

² Там же, стр. 273.

ный, и классовый характер. Болгарин Инсаров мог быть воспринят как новый тип революционера, появление которого уже предчувствовалось в России. По поводу «русского Инсарова» писал Добролюбов: «И не долго нам ждать его; за это ручается то лихорадочное мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни. Он необходим для нас...»¹.

Тургенев не узнал тех людей, которые могли стать выразителями героической силы. А эти люди были недалеко от него: они работали с ним в редакции «Современника». Это были: Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Оба они подлинные представители «черноземной силы». Оба они твердо знали, «что делать».

В середине 50-х годов Тургенев был влиятельным членом группы «Современника» — самого передового журнала того времени. В 1854 году к журналу был привлечен Чернышевский, а в 1856 году — Добролюбов. Характер журнала начал меняться. Среди его сотрудников образовалось два лагеря. Борьба началась по всему фронту — по вопросам экономики, политики, философии, эстетики. Столкнулись два поколения. Это была борьба «отцов» и «детей». Наступало время подготовки реформ. Крепостнический режим николаевской России был расшатан войной со странами Запада, связанной с обороной Севастополя. Несостоятельность крепостнического режима стала ясна самим широким кругам русского общества. Тургенев принадлежал к числу тех, кто стремился к объединению всех прогрессивных сил для борьбы за реформу. Он полагал возможным мирным путем добиться тех реформ, которые необходимы России. Группа Чернышевского и Добролюбова понимала, что самодержавная власть, опиравшаяся прежде всего на дворянство, не способна удовлетворить народные требования. Только крестьянская революция могла, по их убеждениям, дать народу и землю и волю.

Так в недрах «Современника» образовалось два идеиных лагеря — либеральный и революционный. Среди вопросов, разделявших обе группы, особую остроту приобрел вопрос о задачах искусства. Либеральный лагерь защищал идею искусства для искусства. Лагерь революционных демократов — идею искусства для прогресса. Этот лагерь тре-

¹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 424, СПБ. Т-во «Сеятель».

бовал глубокой идейности искусства и для данного исторического момента — искусства обличительного. Казалось бы, творческий путь Тургенева, литературная деятельность которого была связана с выполнением Аннибаловской клятвы, обязывал его примкнуть к группе Чернышевского. Тем не менее автор «Записок охотника», не разделяя теории «искусства для искусства», все же не примкнул к Чернышевскому и Добролюбову, сохраняя дружеские связи с их противниками. Борьба приняла столь острые формы, что Тургенев в 1860 году порвал свои связи с «Современником». Некрасову не удалось удержать его от этого шага.

Разошелся Тургенев в эти годы и с Герценом. Первоначально, казалось, он разделял направление «Колокола», издаваемого прославленным русским эмигрантом. Призыв *vivos voco* (созываю живых) был обращен, как того и хотелось Тургеневу, ко всем русским патриотам, готовым к борьбе за народное благо. Тургенев добывал для «Колокола» ценные материалы. В этом журнале напечатано «Письмо к издателю» с подписью Тургенева, а в «Полярной звезде» стихотворение его: «Кнут»¹. Он заезжал к Герцену в Англию. Но уже в эти годы сотрудничества издатель «Колокола» пугал Тургенева своими гневными, насмешливыми статьями. Пытался Тургенев удерживать Герцена и от нападок на Александра II, так как верил, что молодой царь идет навстречу требованиям прогрессивных кругов. Когда же либерал Б. Н. Чичерин послал в «Колокол» письмо, резко осуждавшее Герцена, и многие из старых друзей лондонского издателя солидаризировались с этим враждебным выпадом, Тургенев был в числе тех, кто протестовал против выступления Чичерина. И все же раскол между Герценом и Тургеневым становился неизбежен: их разъединяло отношение к возможности революции в России. Тургенев не разделял пламенной веры Герцена в особенности пути развития русского народа, не разделял и его убеждения в неспособности стран Запада, погруженных в мещанство, идти по пути прогресса, постепенно разрешая социальные проблемы.

Тургенев писал Герцену: «Ты с необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь диагнозу современного че-

¹ М. Клевенский. «Герцен-издатель и его сотрудники». «Литературное наследство» № 41—42, стр. 610—611. М. 1941. «Письмо к издателю» перепечатано в 3-м номере «Русских пропилей», стр. 156.

ловечества, но почему же это непременно западное человечество, а не bipedes (двуноногие) вообще?»¹.

Тургенев утверждал, что «мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, genus европеum, и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге»². Развивая эту мысль, Тургенев упрекает Герцена за «мистическое преклонение перед русским тулупом», в котором тот видит «великую благодать, и новизну, и оригинальность будущих общественных форм». Сознавая неизбежность капиталистического пути развития России, Тургенев предвидел и классовое расслоение деревни, а также появление кулачества, которое «носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности»³.

Это признание закономерности исторического процесса и подчиненности общим законам развития русского народа не привело, однако, Тургенева к признанию необходимости и неизбежности революционного пути развития ни для России, ни для Запада.

Тургенев опасался «бурь и града», которые лежат на пути России к новой жизни, к «летнему расцвету» всех ее могучих сил.

В. И. Ленин писал о Герцене: «... при всех колебаниях... между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»⁴.

Можно ли сказать, что Тургенев был чужд этих колебаний, что он целиком принадлежал к лагерю либералов? Такое понимание общественной позиции Тургенева было бы крайним ее упрощением. Несомненно, что демократический лагерь вызывал симпатии Тургенева, что в 60-х и 70-х годах он с сочувствием относился к революционерам, но ему нехватало веры в историческую оправданность этого движения. В своей статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев при разборе образов классической литературы дал характеристику двум поколениям своей эпохи: «отцам», кото-

¹ Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену, стр. 171. Женева. 1892.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 467. 1930.

рых он называл Гамлетами, и «детям» — Дон-Кихотам. В Ламанчском рыцаре Тургенев ценил непоколебимую веру в достижение своих идеалов. К Гамлетам он причислял себя. Этот скептицизм Тургенева и отбрасывал его в лагерь либералов. В противоположность Герцену при всех колебаниях Тургенева в нем верх брал либерал-«постепеновец».

«Гамлет и Дон-Кихот» написаны в 1860 году. Вслед за этим Тургенев пишет свой боевой роман «Отцы и дети» (1861). Этот роман автор посвятил проблеме, глубоко волновавшей его,—проблеме о взаимоотношении сменяющихся поколений. Насколько тема, поднятая в «Отцах и детях», была актуальна, свидетельствует та буря, которая разразилась в связи с выходом этого романа. Как критики в печати, так отдельные лица в частных письмах, противореча друг другу, жестоко обрушились на Тургенева.

Н. Н. Страхов подвел итоги этому спору. В журнале «Время» он писал: «Одни нашли, что «Отцы и дети» есть сатира на молодое поколение, что все симпатии автора на стороне отцов. Другие говорят, что осмеяны и опозорены в романе отцы, а молодое поколение, напротив, превознесено... Несмотря на то, роман читается с жадностью и возбуждает такой интерес, какого, смело можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведение Тургенева»¹.

Возникшие вокруг «Отцов и детей» споры в значительной степени объясняются сложностью позиции самого автора. В этом романе Тургенев хотел показать, что переживаемое время уже не канун появления на Руси «черноземной силы». Что уже пришли «русские Инсаровы», новые люди трезвого ума и сильной воли, люди, которые знают «что делать». Тургенев признает их историческую правду. Эти новые люди внушают, по признанию автора, если не любовь, то «невольное влечение». Однако самому Тургеневу эти новые люди чужды, несмотря на готовность его сказать: «Тебе я место уступаю: мне время тлеть, тебе цвести». Та полемика с революционными демократами, которая разгорелась в редакции «Современника», получила свое отражение в спорах отцов с детьми нового тургеневского романа. И не случайно многие считали Добролюбова прототипом Базарова².

¹ М. К. Клеман. Цит. изд., стр. 128.

² Как личность Добролюбов не был прототипом Базарова, но его идеи были частично вложены в героя «Отцов и детей».

В статье «Литературные мелочи прошлого года» (1859) Добролюбов дал блестящую характеристику двух поколений — «старого» и «молодого». О людях старого поколения критик писал:

«Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное; но выше всего был для них *принцип*. Принципом они называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнения и отрицания купили они свой принцип и никогда не могли освободиться от его давящего, мертвящего влияния»¹. Так определил Добролюбов русский идеализм «отцов». Эта оценка приложима в разной степени к ряду героев Тургенева: к Рудину, к Гамлету Щигровского уезда, к Михалевичу, к Лаврецкому, можно сказать, что здесь очерчен излюбленный образ Тургенева. «Старому» поколению по контрасту Добролюбов противоставил молодое поколение: «От пожилых людей обыкновенно рассыпаются ему упреки в холодности, черствости, бесстрастии. Говорят, что нынешние люди измельчали, стали неспособны к высоким стремлениям, к благородным увлечениям страсти. Все это, может быть, чрезвычайно справедливо в отношении ко многим, даже к большинству нынешних молодых людей... но за ними, и отчасти среди них, виднеется уже другой общественный тип, тип людей реальных, с крепкими нервами и здоровым воображением. Благодаря трудам прошедшего поколения принцип достался этим людям уже не с таким трудом, как их предшественникам, и потому они не столь исключительно привязали себя к нему, имея возможность и силы поверять его и соразмерять с жизнью... Их последняя цель — не совершенная рабская верность отвлеченным идеям, а принесение возможно большей пользы человечеству; в их суждениях люди возвышаются не по тому, сколько было в них скрыто великих сил и талантов, а по тому, сколько они желали и умели сделать пользу человечеству»². Читая эти замечательные строки, нельзя не вспомнить спора о принципах между Базаровым и Павлом Кирсановым. Эти строки воспринимаются как идеальная канва романа «Отцы и дети».

Трудно поверить словам Тургенева: «... За исключением воззрений Базарова на художества,— я разделяю почти все

¹ Н. А. Добролюбов. Соч., т. II, стр. 389. СПБ, 1896.

² Там же.

его убеждения. А меня уверяют, что я на стороне «отцов»... я—который в фигуре Павла Кирсанова даже погрел против художественной правды и пересолил, довел до карикатуры его недостатки, сделав его смешным»¹.

Сам Тургенев, конечно, сознавал себя принадлежавшим к отцам. Его критика старого поколения была самокритической. Весь мир «отцов» овеян невольной грустью об уходящем. Тургенев — с «отцами», поскольку он не может перестать любить их мир, считать его своим миром. Тургенев — с «детьми», поскольку он признает необходимость их прихода в жизнь, поскольку он ценит в них те качества, без которых «отцы» становились «лишними людьми». Эта сложность отношения к людям двух противостоящих друг другу поколений, связанных уже с разными классами, и вызвала недовольство романом во всех течениях «гримящего» времени 60-х годов. От автора требовали все четкой позиции, требовали, чтобы он стал целиком на сторону тех или других. Гамлет-Тургенев этого выбора сделать не мог, да и не хотел. Он отстаивал право художника (в его понимании) изображать жизнь такой, какой ее воспринимал.

«Отцы и дети» — одно из величайших художественных достижений Тургенева. В этом романе талант писателя достиг полного расцвета.

Противопоставление двух поколений, их борьба обрисованы красками, достигающими благодаря своей контрастности, особой яркости. Эта борьба дает ту силу, ту напряженность повествованию, которую нельзя найти ни в предшествовавших «Отцам и детям» романах Тургенева, ни в последующих. Лишь в концовке этого боевого романа звучит та элегическая мелодия, которая придавала особый колорит всему повествованию «Дворянского гнезда». (В отличие от «Отцов и детей» этот роман написан в мягких полутонах).

И все же Тургеневу, несмотря на его желание создать образ нового человека, не удалось показать Базарова в действии. Жизнь тургеневского «нигилиста» только намечена. Она обрывается накануне своего полноценного воплощения.

О своем Базарове Тургенев писал 14 апреля 1862 г. К. Случевскому: «Мне мечтала фигура сумрачная, дикая

¹ «По поводу «Отцов и детей». Полн. собр. соч., т. XI, стр. 462 ГИХЛ.

большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель, потому что она все-таки стоит еще в преддверии будущего...»¹. Итак, снова тема «Накануне». Тургенев называл Базарова «трагическим лицом». Автор так вживался в создаваемый им образ, что вел даже от его лица дневник, в котором он (Базаров) высказывал свои мнения о важнейших текущих вопросах.

Резкая полемика вокруг «Отцов и детей», бесчисленные оскорбительные письма, полученные автором романа, произвели на него столь удручающее впечатление, что он решил отказаться в дальнейшем от новых опытов в области романа.

Тем не менее шесть лет спустя Тургенев пишет новый роман: «Дым», построенный также на контрастах. Но в нем противопоставлены не сменяющиеся поколения, а враждебные друг другу лагери — лагерь реакции, представленный «баденскими генералами», и лагерь политических эмигрантов. Но для этого противопоставления у писателя не нашлось нужных красок. Одна дама сказала Тургеневу по поводу его нашумевшего романа: «Ни отцы, ни дети», в то время как автор был частично и с «отцами» и с «детьми». В своем новом романе Тургенев обособляется от обоих противостоящих друг другу лагерей. Оба лагеря обрисованы в манере памфлета. Персонажи того и другого — шаржи на известных Тургеневу лиц².

В романе «Дым» автор отмежевывается от политической борьбы. Глубоким разочарованием в русской общественности веет от «Дыма». Устами Потугина автор разви-

¹ Письма И. С. Тургенева, стр. 106—107. СПБ. 1884.

² В частности, в Губареве некоторые исследователи склонны признать карикатуру на Огарева — друга Герцена. Созвучие фамилии, несколько черточек характера и некоторое сходство взглядов не дают основания к такому утверждению. Фамилию Губарева Тургенев взял из жизни. О помещике «Орловской губернии» Воине Ивановиче Губареве он упоминает в «Литературных и житейских воспоминаниях». По поводу названного персонажа «Дыма» Тургенев писал поэту Полонскому: «Кстати, как же ты говоришь, что не знаком с типом «Губаревых». Ну а г-н А. А. К. не тот же Губарев? Взгляника-ка попристальнее в людей, командующих у нас, и во многих из них ты узнаешь того же типа. Ник. Петр. (Кирсанов) — это я, Огарев и тысячи других» (Письма И. С. Тургенева, стр. 130. 1884 г.). В этом письме совершенно ясно Огарев не только не назван Губаревым, а противопоставлен ему. (А. А. К., вероятно, А. А. Краевский).

вает идеи крайнего западничества. Здесь ясно видна полемика с Герценом, с его критикой буржуазной Европы. «Дым» — ответ на «Концы и начала» издателя «Колокола». В «Литературных и житейских воспоминаниях», написанных год спустя после «Дыма» (1868), Тургенев еще раз подчеркнул свое западничество. «Я — очутился «западником» и остался им навсегда¹. Эти слова звучат полемическим задором.

Герой романа «Дым» Литвинов, подобно Лаврецкому, готовился в странах Запада к работе просвещенного помешника у себя на родине. Таким образом в «Дыме» Тургенев делает шаг назад и пытается воскресить прежние мечты. Как мало веры в такую деятельность дворянина жило в душе Тургенева! Об этом свидетельствуют мысли автора, вложенные в героя романа: «Дым, дым» — повторял он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь, — все людское, особенно все русское².

Тургенев словно теряет родную почву. Все обволакивается дымом. Это характернейший мотив всех «русско-европейских скитальцев», начиная с Чацкого:

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд... (курсив мой. — Н. А.)
В повозке так-то на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый. Вот резво
Домчались к отдыху: почлег. Куда ни взглянешь,
Всё та-же гладь, и степь, и пусто и мертвое.
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь³.

Эти слова Грибоедова Тургенев мог бы поставить эпиграфом к своему роману «Дым».

Герцен принял вызов. В статье «Отцы сделались детьми» он иронически откликнулся на тургеневского Потугина. «И нужны ему эдакие дымы кольцами пускать! Ведь наделила же его природа всякими талантами: умеет об охоте писать, умеет пером стрелять по всяким глухим тетеревам и куропаткам, живущим в «дворянских гнездах»

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. XI, стр. 385.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. IX, стр. 146.

³ А. С. Грибоедов. «Горе от ума», стр. 141. Гиз. 1920.

и «затишьях». Нет, хочу, говорит, быть публицистом — едким, злым, желчным, а сам добрейшая душа, ни желчи, ни злобы... ничего такого»¹.

В возникшей в связи с «Дымом» переписке между его автором и Герценом Тургенев писал (4 июня 1867 года): «Меня ругают все — и красные и белые, и сверху, и снизу, и сбоку, особенно сбоку»².

На долгие годы Тургенев отказался от писания романов, в которых он всегда отзывался на волнующие общественные вопросы.

Но вот дым, который застилал глаза Тургенева, казалось, рассеялся, как утренний туман; наступил новый день. И Тургенев увидел новь, которая зазеленела на родной почве. В 1876 году написан им последний роман — «Новь». В лице разночинца Соломина автор вывел преемника разночинца Базарова и показал его не в подготовке к делу, а на самом деле. Чернышевский уже написал свой роман «Что делать?» (еще в 1886 г.), в котором показал, как новые люди живут и как они действуют. Путь был указан. Тургеневу оставалось по-своему показать в условиях нового исторического дня на конкретном образе, как действует новый человек. Пользуясь обычным для себя методом контрастного сопоставления, Тургенев, наряду с Соломиным, оттеняя его, создает образ эпигона людей 40-х годов — неудачника, «опростелого» народника Нежданова, последнего из серии Гамлетов. В его лице он простился со своим излюбленным героем — «лишним человеком». Нежданов гибнет, уступая дорогу новому человеку. «Честь и место». Опять прозвучал мотив: «Мне время тлеть, тебе — цвести». Кто же этот представитель нови? Образ Соломина был задуман Тургеневым еще в 1870 году. Это тип «настоящего практика на американский лад, который так же спокойно делает свое дело, как мужик пашет и сеет». Соломина называет его противник, народник Маркелов, «постепеновцем». Тем не менее сам автор считает Соломина подлинным революционером. В связи с полемикой П. Л. Лаврова с П. Н. Ткачевым Тургенев писал автору «Исторических писем»: «... молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное»³. В этих словах

1 А. И. Герцен. Собр. соч. и писем, т. XIX, стр. 314.

2 «Письма». Женевское издание, стр. 195.

3 «Былое» № 2, стр. 216, 1906.

ясно выражена мысль Тургенева, осуждающая романтическое народничество с его неудачным «хождением в народ» без знания народа, без умения подойти к нему, без реально обоснованной программы. Так, в «Письмах к старому товарищу» Герцен осуждает бунтарские пути, но уже с совершенно иных позиций. Соломин Тургенева выражает мысль о постепенной, медленной и терпеливой подготовке для сильного и внезапного действия. Такая формулировка не укладывается в рамки либеральной программы. Тургенев в образе Соломина вывел тип западника, считавшего неизбежным и необходимым для России путь капиталистического развития. Но это уже западник нового склада, это—западник-демократ, в буржуазном понимании этого слова. Его новая черта—он ориентируется на Америку.

В 70-х годах Тургенев, проживая в Париже, сблизился с революционной эмиграцией. Он высоко ценил П. Л. Лаврова, П. А. Кропоткина, Г. А. Лопатина. Он помогал материально нуждающимся революционерам, он содействовал печатанию их работ в различных периодических изданиях. Он субсидировал лавровский журнал «Вперед». В Париже была создана при содействии Тургенева русская библиотека для эмигрантов. «Я хотел, чтобы у них было место, где бы они могли проводить несколько часов в теплой комнате, и где бы они могли собираться, чтобы не быть совершенно потерянными в большом городе»¹. Все это, конечно, не дает основания считать, что в эти годы Тургенев сам был готов стать на путь революции.

Тургенев в своем новом герое Соломине, сочетающем постепенность с революционным движением, отразил нового человека России, но отнюдь не свой собственный идеал.

Добролюбов отметил чрезвычайно для нас ценную особенность Тургенева — его чутье «к живым струнам общества».

Эта особенность дала Тургеневу возможность в серии романов раскрыть эволюцию образа передового русского человека, показать его понимание жизненных задач своего времени. Не случайно Тургенев в своих романах, как летописец, точно определяет время событий. «Накануне» начинается словами: «В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жар-

¹ Тургеневский сборник. Стр. 130. Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. Изд. «Огни». 1915.

ких летних дней 1853 года...». Одна из первых строк «Дворянского гнезда» гласит: «Дело происходило в 1842 году...». Первая строчка «Огцов и детей»: «Что Петр? не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года... барин лет сорока». Точной датой отмечено начало «Дыма»: «10-го августа 1862 года в четыре часа пополудни, в Баден-Бадене толпилось множество людей». И в романе «Новь» мы встречаем такую же датировку: «Весной 1868 года, часу в первом дня, в Петербурге...». Этот прием не случаен. Он свидетельствует о ярком переживании Тургеневым исторического момента, о стремлении запечатлеть этот момент в его текучести. Тургенев следовал шекспировскому завету воссоздать «самый образ и движение времени». Можно ли назвать Тургенева романистом-историком? Он вполне заслужил право на это название. Теперь мы должны, конечно, критически пересмотреть оценки нашего замечательного писателя-романиста. Однако такой пересмотр никакого не умаляет и в глазах нашего поколения прав Тургенева на название романиста-историка. Ведь труды ученых историков его времени подлежат не менее строгому пересмотру.

V

Под влиянием нападок на романы Тургенева «и сверху, и снизу, и сбоку...» их автор неоднократно решался отказаться от этого жанра, принесшего ему, наряду с радостями, столько огорчений. Не раз Тургенев в раздумье оставлялся на своем творческом пути. Не сказать ли себе: «Довольно!» Не кончить ли свое дело писателя? Еще в феврале 1857 года он в письме к В. П. Боткину — своему арбитру — высказывал свои сомнения: «Таланта с особой физиономией и целостностью — у меня нет, были поэтические струнки — да и они прозвучали и отзывались — повторяться не хочется — в отставку!.. Как писателя с тенденциями заменит меня г. Щедрин (публике теперь нужны вещи пряные и грубые), а поэтические и полные натуры вроде Толстого докончат и представят ясно и полно то, на что я только намекал»¹.

Но отказаться от творчества значило для Тургенева перестать жить.

¹ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, стр. 115. «Academia», 1930.

Действительно романы он пишет все реже и реже. Между 1855 и 1861 годами, то есть за шесть лет, Тургенев написал четыре романа, за 15 же (между 1861 и 1876 годами) — им написано всего два романа.

Тургенева в эти годы потянуло к тому жанру, который принес ему мировую славу в начале его творческого пути — к повестям и рассказам. В отчаянии от приема, оказанного его романам, Тургенев решался целиком вернуться к писанию «сказок» (его собственное определение малых жанров). «Сказки» — это по определению Тургенева «личные, как бы лирические шутки, вроде «Первой любви». В этом определении жанра повестей и рассказов ощущается скрытая горечь Тургенева, который был удручен тем, как критика и читающая публика встречала его романы.

Повести и рассказы Тургенева не легко могут быть выделены в особый жанр из оставленного им литературного наследства. Так, повесть «Вешние воды» чрезвычайно близка его роману «Дым». Среди малых жанров, среди его «Senilia», можно найти такие стихотворения в прозе, как «Роза», представляющие собою сжатую до пределов повесть, напоминающую «Первую любовь». Его «Довольно!» легко распадается на ряд стихотворений в прозе в духе «Senilia». С другой стороны, романы Тургенева, столь похожие на его повести, не велики по объему и вместе с тем необычайно насыщены содержанием. Они лиричны, а местами элегичны, как и его повести, как и его «Senilia». Даже письма Тургенева носят на себе ту же печать его творческого гения и подчас кажутся отрывками из его художественной прозы.

Однако между романами Тургенева и его повестями есть существенное различие. Слова Добролюбова о «живом отношении к современности» могут быть отнесены скорее всего к романам Тургенева. Если исключить «Записки охотника» и еще несколько рассказов («Муму», «Пунин и Бабурин», «Несчастная»), в литературном наследии Тургенева мы немного найдем повестей, в которых автор был бы эхом текущего момента. Вот почему радикальная критика, столь страстно откликавшаяся на каждый новый роман Тургенева, сравнительно равнодушно встречала его новые повести и рассказы, а зачастую и осуждала их. В повестях своих Тургенев писал о любви, о природе, об искусстве и о смерти. В бурное «гримучее» время, наступившее в России после Севастопольской кампании, прогрессивная критика

хотела видеть в писателе вождя, указывающего путь в новую жизнь. Так называемые «вечные» темы должны быть также подчинены требованиям современности. Трактовка этих тем Тургеневым не могла удовлетворить требованиям радикальной критики. Элегией увядания насыщены многие его повести и рассказы. Отсюда эта направленность на былое. Повествование почти всегда дано в форме воспоминания. Обычно Тургенев описывает собрание друзей, из которых один начинает свой рассказ о былом. В некоторых случаях рассказчик повествует о далеком прошлом, о каком-нибудь семейном предании («Три портрета»). Иногда в рассказе раскрывается жизнь какого-нибудь персонажа в форме повествования другого персонажа («Бригадир»), и былое переплется с текущим днем. Или же один из собеседников делится с друзьями рассказом о судьбе, поразившей его воображение («Несчастная», «Степной король Лир»). Особую элегичность придает повествованию рассказ в кругу друзей о своем собственном прошлом («Первая любовь»). В этом отношении менее выразителен прием, к которому прибег Тургенев в «Асе» или в «Трех встречах», где рассказ о своем прошлом обращен непосредственно к читателю, а не к слушателям, окружающим рассказчика. Но особой лирической силы достигает Тургенев в «Вешних водах», где прошлое воскресает перед одиноким стариком, погруженным в свои молчаливые думы. Санин как бы следует завету, высказанному Тургеневым в одном из «Senilia» — «Старик». «Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминания — и там, глубоко, глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской, и силой весны!»¹.

Полина Виардо называла Тургенева «самым печальным человеком». Его печаль порой светла и ясна, порой она полна глубокой тоски. Мироизерцание Тургенева принято определять как пессимистическое. Но пессимизм Тургенева особый. Его трагическое миропонимание не есть отрицание жизни, ибо в основе его лежит глубокая и нежная любовь к жизни, а следовательно, и ее утверждение. Вот почему Тургенев вместе с Пушкиным может сказать:

«Печаль моя светла».

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. X, стр. 316.

Повести Тургенева отражают его глубокие думы о жизни. Их называют «философичными». Однако не следует думать, что Тургенев хотел в своих повестях видеть средство для высказываний философских идей. Думы Тургенева скорее всего непроизвольно проникали в его повествования и насыщали творимые им художественные образы. Тургенев был чужд всякого рационализма и дидактизма. И лишь редко изменял себе (например, в «Довольно!»).

Какие же общечеловеческие ценности освещал в своем творчестве Тургенев? Эти ценности: природа, искусство и любовь. И хотя в «Довольно!» автор как будто готов усомниться и в этих незыблемых ценностях, но именно этот «отрывок из записок умершего художника» лучше всего опровергает все грустные раздумия автора; с такой силой передана в этих маленьких эскизах неизбытная любовь к ценностям жизни.

Природный ландшафт в повестях Тургенева занимает весьма большое место и не только в том смысле, что его повести изобилуют превосходными описаниями природы. Ландшафт Тургенева отражает его мировоззрение; является вместе с тем комментарием к переживаниям героев и к событиям повествования. В отношении к природе у Тургенева проявляется двойственность. Ему ведома и «равнодушная природа», «сияющая вечной красою», перед грозным величием которой человек казался ему обезличенным в своем ничтожестве. Эта природа, «не ведающая ни добра, ни зла», говорит человеку: «Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим червям или людям... Мне все равно. А ты пока защищайся — и не мешай мне». («Senilia» — «Природа»). Эта же мысль выражена и в других «Senilia» — «Разговор», «Конец света», «Necessitas, vis, libertas»¹. В рассказе «Поездка в Полесье» уже была намечена та же мысль. «Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид Полесья напоминает вид мэря. И впечатления им возбуждаются те же; та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом зрителя. Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку: — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»².

¹ «Необходимость, сила, свобода».

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. VII, стр. 200.

Из сопоставлений этих двух текстов явствует, насколько образ «равнодушной природы» крепко владел Тургеневым. Вечность природы вызывает в нем сознание бренности жизни и ее мимолетности. Однако у природы есть своя мудрость, которую нужно постичь, чтобы спастись от ужаса одиночества перед лицом вечности, столь ведомого самому Тургеневу. «...Мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный, смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе — вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится»¹. Мудрость меры и гармонии — это эллинский идеал «калакагатии» — сочетания нравственного и физического совершенства. Но Тургенев не мог удовлетвориться этой мудростью природы. «Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие радости любви»², — отмечает Тургенев понятые им таким образом вещания природы. И он восстает против этих законов, рисуя в своих романах и повестях трагедию тех, кто осмелился отдать свою душу власти любви. Перед этими жертвами любви Тургенев склоняется с глубоким благоговением.

Мало того, сама природа в его сознании перестает быть «равнодушной». Как в древнерусском эпосе, как в народной песне природа живет заодно с человеком, она чутко реагирует на все, что совершается с ним. Она как бы радуется и плачет с ним. То предвещает она приближение беды, то ликует вместе с ним, окружая своим сиянием его счастье, хотя бы и мгновенное.

Для примера остановимся на «Первой любви». В этой повести легко проследить смену ландшафтов, отражающих переживания ее персонажей. Первоначальные ландшафты отражают «радостное чувство молодой, закипающей жизни». Налетевшая страсть, закипевшая в душе подростка, находит свое отражение в летней грозе, пронесшейся над Москвой. «Я глядел — и не мог оторваться: эти немые молнии, эти сдержанные блистания, казалось, отвечали тем

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд. т. VII, стр. 215.

² Там же.

немым и тайным порывам, которые вспыхивали также во мне»¹.

Подросток узнает ужасную тайну. Его первая любовь встретилась с очередной страстью родного отца. «Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные». Конец повести разворачивается на фоне осеннего увядания природы.

Природные ландшафты, отражающие переживания героев и события повестей Тургенева, можно найти и в «Первой любви», и в «Степном короле Лире», и в «Трех встречах», и в «Вешних водах», и в «Асе», и в «Фаусте». Неравнодушная природа отражена Тургеневым столь же убедительно, как и равнодушная природа («Поездка в Полесье» и «Senilia»).

С художественной стороны пейзажи Тургенева замечательны подчинением тончайших деталей гармонии целого. Вместе с тем в них чувствуется не только мастерство художника, но и знание природоведа. Тургенев постоянно называет породы птиц, определяет деревья и травы; характеризует оттенки их окраски. Если у С. Т. Аксакова мы найдем большую силу в передаче стихийной жизни природы, то у И. С. Тургенева мы встретим единство колорита, доступное только великим живописцам.

Искусство, так же как природа,— основной компонент повестей Тургенева. Старинный портрет на стене барского дома, песня, раздавшаяся в ночной тиши в лунную ночь, музыкальные аккорды, прозвучавшие из открытого окна дома в заснувшем городе, стихотворение, прочитанное в оживленном обществе,— становятся активными силами, определяющими душевную жизнь персонажей Тургенева, зачастую влияющими на их судьбу. Эту традицию романтизма глубоко усвоил Тургенев и сумел вплести в свою реалистическую повесть, не нарушая ее стилистического строя. В ранней повести «Три портрета» (1846) через анализ фамильных портретов возрождается драма минувшего века. Повесть «Три встречи» (1851) построена на повторном мотиве итальянской песни: «Passa que, colli e vieni allegramente»².

В «Затишье» (1854) стихотворение Пушкина «Анчар» дало толчок страсти в скованной душе героини повести.

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд. т. VII, стр. 25.

² Перейди через эти холмы и весело подойди ко мне.

В «Первой любви» (1860) пушкинское же стихотворение «На холмах Грузии» звучит как исповедь Зинаиды. В «Фаусте» — чтение запретной поэмы Гете приводит к гибели Веру Ельцову. В «Песне торжествующей любви» (1881) музыка Востока оказывает магическое действие на Валерию и влечет за собою катастрофу. Быть может, и Л. Н. Толстой в «Крейцеровой сонате» отразил тот же замысел своего старшего современника. Мир искусства — не декоративная деталь в повестях Тургенева, а конструктивный элемент, на котором базируется развертывание сюжета.

Историческая тематика включается в повести Тургенева в целях: углубления переживания времени, осознания его движения, а наряду с этим для усиления ощущения ценности культурного наследия минувших времен. Это наследие в повестях Тургенева приобретает также эстетическое звучание. Оно усиливает восприятие красоты жизни. Известно, что Тургенев любил и сам старинные вещи. Вспомним здесь книгу «Символы и эмблемы», которой он увлекался еще в детстве и которую увековечил в описании детских лет Лаврецкого. К концу жизни обострилась страсть Тургенева к коллекционированию антикварных вещей, от которых веяло ароматом угасших культур. В его повестях и рассказах мы встретим немало описаний таких раритетов, через которые мастерски вырисовываются люди минувших поколений. В особенности часто привлекал Тургенева XVIII век своим утонченным вкусом, столь диалектически противостоящим мещанской культуре Франции *«Comédie humaine»*¹. В «Несчастной», в «Бригадире», в «Старинных портретах», в «Трех портретах» мы встречаем замечательные по своей сдержанности и по исторической меткости образы блестящего века. (Проходят они и в романах Тургенева «Дворянское гнездо», «Новь»). В этих образах минувшего нет ни излишнего эстетического смакования, ни перегруженности археологической ученостью. Они могут служить образцами исторического письма. Русскую культуру XVIII века Тургенев раскрывает, любуясь ею со стороны. Это не родственная ему культура, исчезновение которой он может оплакивать. Но общение с образами этой культуры восполняет те утраты, которые нес с собою деловой и суэтный XIX век.

¹ «Человеческая комедия» — название серии романов Бальзака.

Тургенев не зовет читателя к уходу в прошлое, к отрыву от современности. Он лишь призывает полюбоваться бытым с полным сознанием, что это уже навсегда пройденный этап. Отсюда та мягкая ирония, которая временами проскальзывает в обрисовке образов прошлого.

Тургенев показывает с исключительным мастерством, как былое доживает свой век в сменившей его эпохе.

Лишь новелла «Песнь торжествующей любви» полностью переносит читателя в минувшие века. В ней отражена эпоха итальянского чинквеченто (XVI век).

Эта новелла по художественной силе ее образов, по благородной сдержанности своей стилизации, по совершенству языка представляет одно из лучших созданий гения Тургенева. Вместе с тем эта повесть, написанная в манере новелл Возрождения, полна трагизма любви. «Песнь торжествующей любви» может быть названа «лебедиою песней» самого писателя: она создана им на закате жизни.

Большинство повестей и рассказов Тургенева посвящено истории любви. Любовь занимает в них еще большее место, чем в романах, осложненных социальными темами, часто отодвигающими проблему любви на второй план.

Женщины показаны как носительницы подлинной, преображающей душу любви. Вместе с тем Тургенев на примерах их судьбы подтверждает воображаемый им закон природы: гибель ждет тех, кто нарушает равновесие радостями любви. Герои повестей Тургенева подчиняются этому закону. Они редко способны всецело отдаваться пафосу любви. Они часто робеют и отступают перед тем всепоглощающим, что несет с собою любовь тургеневской девушки. В особенности типичен в этом отношении герой повести «Ася». Для него любовь — ослепительно яркое мгновение. Для Аси любовь — путь жизни. Вступить на этот путь, полный ответственности, тургеневский герой не дерзает. Он бессилен сделать свою любовь подвигом.

Утверждая закон природы о гибельности любви, которая нарушает равновесие сил, Тургенев восставил всем своим творчеством против этого им самим установленного закона. Трагизм изображаемой им любви потрясает читателя, заставляя глубоко сочувствовать страданиям героини. Любовь для Тургенева высшая сила, и носители этой силы изображаются им высоко вознесенными над всем окружающим.

У Тургенева был особый кульп русской женщины. Созданные им образы обладают исключительной притягательной силой. Тургеневские женщины — героини и подвижницы. Они созданы для любви, но любовь к своему избраннику не есть для них верховный закон. Они способны подчинить свою любовь высокому идеалу, и это поднимает их любовь на недосягаемую высоту. Когда Елена («Накануне») идет за любимым человеком на его борьбу за освобождение родины, она идет за ним потому, что полюбила не только его самого, но и его правду. И не случайно, что девушка из «Стихотворения в прозе» — «Порог», идущая одиноко на свой подвиг, жертвуя всем, почти в точности повторяет слова Елены, покидающей этчий дом, чтобы следовать за любимым человеком и разделить с ним его судьбу.

Высокое понимание любви как преображающего начала жизни, как душевного подвига подсказала Тургеневу русская действительность. Лучшие русские люди его времени искали в любви не наслаждений, не бытового устройства жизни — они искали в ней осуществления какого-то большого человеческого идеала. Из узкой частной сферы любовь была перенесена Тургеневым в жизнь общества и получила оценку как великая ценность, поднимающая уровень жизни и освещая ее своей красотой.

Из повестей, в которых любовная тема отсутствует, можно для примера назвать «Степного короля Лира» (1870). Она посвящена шекспировской теме, о чем свидетельствует и самое название. Нельзя говорить о влиянии английского гения на Тургенева. Здесь не следует прослеживать какую-либо литературную традицию. Для Тургенева Шекспир был источником его раздумий над жизнью, и образы Гамлета, Макбета, Ричарда III и Лира сделались для Тургенева символами, через которые он познавал современную ему жизнь. С «лучезарным» именем Шекспира Тургенев связывал «начала гуманности, человечности, свободы». Английский писатель XVI века действительно «вшел в плоть и кровь» русского писателя XIX века.

Одна из повестей Тургенева названа «Гамлет Щигровского уезда». «Степной король Лир» — новое свидетельство о «вечности» тем, поставленных Шекспиром. Властный старик в ожидании своего последнего часа отказывается

от всего, чем он владел, в пользу своих дочерей. В этом акте отказа гордый старик пережил высший момент самоутверждения. Неблагодарность дочерей сокрушила его силу. Сила феодального владыки заключалась не столько в его личности, сколько в его владениях. Лишенный всего он стал ничем. В грозе и буре одинокий Лир постигает откровение жизни и поднимается на новую высоту уже не феодала, а человека. Все эти моменты, определившие и личность и судьбу «Степного короля Лира», написаны в известной мере по схеме «Короля Лира». И вместе с тем повесть Тургенева лишена малейшего схематизма. С исключительным искусством русский автор вправил шекспировский сюжет в усадебный быт степных помещиков, создав ряд превосходных жанровых картин. Эта удача объясняется отчасти и тем, что сюжет повести был подсказан писателю самой жизнью. М. Щепкин свидетельствует, что помещик села Меркулова — Ярышев «отдал своим дочерям всю свою землю, оставив за собою один только маленький флигелек. Когда зятья выгнали Степана Ивановича Ярышева из его флигелечка, он, страшно убитый, пришел в Спасское к Варваре Петровне Тургеневой и жаловался на бессердечие дочерей. ... В одно воскресенье он утром куда-то исчез из Спасского, и не прошло трех часов его отсутствия, как прискакал из Меркулова верховой, сообщивший, что Степан Иванович разбился на смерть, упав с крыши своего флигелька, которую стал разламывать¹.

Тургенев постоянно черпал для своих повестей характеры и события из жизни Орловского края. Из этих реалий он создавал новые образы, свободно перерабатывая факты и явления жизни. Рассказ «Муму» передает историю немого дворника Андрея, который жил у матери писателя в ее доме на Остоженке. Тургенев изменил конец повествования. Немой Андрей, после потопления собаки остался у своей госпожи: Герасим из рассказа «Муму» вырастает в величественный образ русского богатыря, когда он в своем молчаливом протесте отряхивает от ног своих городской прах и возвращается пахать родную землю.

В «Затишье», согласно свидетельству Н. А. Островской, изображена украинка, которой в молодости увлекался пи-

¹ М. А. Щепкин. Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском. «Исторический вестник», 1938, № 9, стр. 920.

сатель. «И она действительно стихов не любила, — говорил Тургенев, — я в самом деле прочел ей однажды «Анчара», и он произвел впечатление. — Сюжет, конечно, сочинен? — спросила я. Она, надеюсь не утопилась?.. — Конечно, нет, — отвечал Иван Сергеевич, — хотя и была способна на это»¹. Та же Н. А. Островская сообщает, что и в «Асе» автор отразил свои заграничные встречи. Плыя в лодке по Рейну, Тургенев увидел живописную руину рядом с уютным домиком, из окна которого выглянула красивая девушка. Писатель начал создавать воображаемую ее судьбу. Сам Тургенев в письмах к Анненкову сообщал о встрече с неким офицером Никитиным, который собирался стать художником, и с москвичем Сабуровым, с которым путешествовала его сестра. Из этих немногих *realia* была создана «Ася».

Фридлендер сообщает о происхождении «Вешних вод». «Когда он (Тургенев), как Санин, будучи молодым человеком, возвращался из Италии через Франкфурт-на-Майне, из какой-то кондитерской позвала его прекрасная взволнованная девушка и просила привести в чувство ее брата, упавшего в глубокий обморок... Со старым певцом Панталеоне Тургенев познакомился позднее в доме одного русского князя»².

В основу рассказа «Бригадир» было положено письмо на «серо-синей бумаге», написанное «старинным почерком» каким-то отставным бригадиром к матери писателя. В письме к Анненкову Тургенев упоминал об этом документе, «составившем необходимую принадлежность» его рассказа. В «Несчастной» Тургенев отобразил трагедию, разыгравшуюся в Москве и сильно взволновавшую студенческую среду. Мнимая дочь музыканта Гебеля покончила жизнь самоубийством. Гебель стал распространять клевету, жертвой которой сделался студент Почека.

Введенный в заблуждение Герцен призывал Огарева порвать всякие сношения с Почекой. Станкевич горячо вступил за своего товарища. О погибшей девушке он писал: «Это новая Миньона! Кроткий гений, смущенный

¹ Н. А. Островская. Воспоминания о Тургеневе. «Тургеневский сборник» П. 1915. (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксanova).

² L. Friedländer, Erinnerungen an Turgenew. Цитируется по А. Островскому «Тургенев в записях современников», стр. 39. Л. 1929.

земными тревогами и отлётевший от людей»¹. Погибшей девушки Н. В. Станкевич посвятил стихотворение: «На смерть Эмилии».

Повесть «Первая любовь» имеет автобиографический характер. В герое этой повести, 15-летнем подростке, Тургенев изобразил самого себя, а в его родителях легко узнати Варвару Петровну и Сергея Николаевича Тургеневых. Н. А. Островская, передавая свой разговор с автором «Первой любви», пишет от его лица: «Отец мой был красавец... Он обыкновенно держал себя холодно, непривычно, но стоило ему захотеть понравиться, — и в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились». Первоначально Тургенев хотел несколько затушевать свой замысел и соблазнителя Зинаиды в черновом наброске назвал «дядя», но потом все же вернулся к первоначальному замыслу и вывел родного отца соперником подростка. На вопрос Островской о тождестве героя «Первой любви» с автором Тургенев отвечал утвердительно: «И с ножом бегал»².

Так вымысел Тургенева опирался на действительность. В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев сам отметил значение для него событий и явлений реальной жизни. «Не однажды слышал я и читал в критических статьях, что я в моих произведениях «отправляюсь от идеи» или «проводжу идею»; иные меня за это хвалили, другие, напротив, порицали; с своей стороны я должен сознаться, что никогда не покушался «создавать образ», если не имел исходной точкой не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы... Я всегда нуждался в данной почве, по которой я бы мог твердо ступить ногами»³. Из реальных людей и событий творил Тургенев свои бессмертные произведения, написанные безукоризненным русским языком. В тщательной работе над языком Тургенев достиг несравненной чистоты, ясности и точности.

Романисту Г. Герману, требовавшему указать у русских авторов хотя бы «одну страницу, которая была бы прекрасна, как пыль на крыльях перламутровой бабочки»,⁴ —

¹ Переписка Н. В. Станкевича, стр. 246. М. 1914.

² Н. А. Островская. «Воспоминания об И. С. Тургеневе», стр. 91—92.

³ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. XI, стр. 459.

⁴ Герман. «Снег», стр. 61. П. 1923.

можно было бы посоветовать повнимательнее ознакомиться с творчеством Тургенева.

Некоторые исследователи сближали автора «Вешних вод» с немецкими новеллистами Теодором Штормом и Паулем Гейзе. Сам Тургенев в письме к Людвигу Пичу резко отграничил себя от немецких новеллистов. «Когда немцы повествуют, они неизменно впадают в две ошибки: недостаточность мотивировки и проклятая идеализация действительности... Когда немецкий писатель рассказывает что-нибудь трогательное, он не может удержаться, чтобы не указать одним перстом на свои заплаканные глаза, а другим подать читателю знак, дабы тот не оставил без внимания и самый предмет его растроганности»¹.

Правдивому и трезвому русскому писателю были совершенно чужды эта вздутость чувств, эта самооглядка.

Белинский писал: «Есть события... которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века; повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки»².

Тургенев действительно умел ловить эти «глубокие события» и мастерски «заключать их в тесные рамки» своих повестей и рассказов. В них «сосредоточено столько жизни», что ее не изжить и в века.

Этим и объясняется сила литературного наследия Тургенева.

VI

Тургенев называл себя *homo europaeus*. Вся жизнь его прошла в скитаниях по странам Запада, с более или менее продолжительными возвращениями на родину, о которой он не переставал тосковать на чужбине. Тургенев устами одного из своих персонажей говорил: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее обойтись не может. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится» (*«Рудин»*)³.

Через некоторое время после ссылки в Спасское-Лутовиново Тургенев возобновил свои заграничные странствования. В 1856 году он покинул Россию. Конец 1857 и начало 1858 года провел в Италии, где во Флоренции писал

¹ Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу, стр. 188. М.—Л. 1925

² В. Г. Белинский. Сочинения, т. I, стр. 105, изд. 1902 г. «О русской повести и повестях Гоголя».

³ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. V, стр. 107.

«Дворянское гнездо». В 1860 году он совершает путешествие в Англию, имея в виду также встречу с Герценом. Некоторое время он жил с «лондонским агитатором» на острове Уайт. В 1864 году, по требованию правительства, Тургенев приехал в Петербург. Ему было предъявлено обвинение в сношениях с Герценом. Тургенев сумел оправдаться, указав на свои расхождения с издателем «Колокола». С 1860-х годов автор «Дыма» проживал в Баден-Бадене, заезжая время от времени в свое Спасское-Лутово. В эти годы Тургенев написал «Призраки» и «Довольно!». В «Призраках» Тургенев отразил свое скитальчество в фантастических образах полета духа Эллис. В «Довольно!» он подвел итог своей жизни в ряде глубоко лирических образов, воскресавших в его благодарной памяти.

Характеризуя интерес Тургенева к Западной Европе, нельзя забывать о той роли, которую сыграла в его жизни Полина Виардо. Тургенев познакомился с ней еще в Петербурге в 1843 году. Молодой писатель уже тогда полюбил прославленную певицу, и эта любовь в течение сорока лет, до конца дней Тургенева, составляла основное содержание его личной жизни. Русский писатель порой испытывал горечь от сознания, что живет на «краешке чужого гнезда», не имея собственного, и тем не менее нужно признать, что отношения Тургенева с Полиной Виардо были плодотворны для обоих. Его письма к любимой им женщине чрезвычайно содержательны и свидетельствуют об исключительной по напряженности и глубине страсти¹. Письма Полины Виардо еще не опубликованы. Это обстоятельство не дает возможности притти к окончательным выводам относительно характера их взаимоотношений. Нужно подождать, когда «моналог» превратится в «диалог».

В 1850 году (28 октября) Тургенев писал: «И мне радостно сказать вам по истечении семи лет, что я ничего не видел на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути — было величайшим счастьем моей жизни, что моя преданность и благодарность вам не имеет границ и умрет только вместе со мною... Вы — все, что есть самого лучшего, благородного и симпатичного на этом свете»².

¹ Опубликована незначительная часть. Около 1 500 писем до войны хранились в Париже у наследников П. Виардо.

² «Вестник Европы» № 8, стр. 182, 1911. Письмо от 28 октября 1850 г.

Полина Виардо
Акварель 40-х гг. П. Ф. Соколова
(Государственный Литературный музей).]

Спустя много лет, в конце жизни, в своих «Senilia» Тургенев описал действие на него пения Полины Виардо. Стихотворение в прозе кончается словами: «Вот она — открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет — и не надо. В это мгновение ты бессмертна. Оно пройдет — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя... Но что тебе за дело! — В это мгновение — ты стала выше, ты стала вне всего проходящего, временного. Это твое мгновение не кончится никогда. Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности» (ноябрь 1879 г.)¹. Приведенные два отрывка, относящиеся к разным моментам истории любви Тургенева, достаточно характеризуют его чувство к Полине Виардо.

Жизнь в странах Запада, столь тесно связанная с семьей знаменитой певицы, дала возможность Тургеневу прекрасно ознакомиться с Европой и многообразно отразить ее в своем творчестве. Русский писатель глубоко понимал жизнь других стран. В его произведениях можно найти замечательные по тонкости правдивого изображения образы Франции и Англии, Италии и Германии². Тургенев был выдающимся знатоком и литературы и искусства других стран, хорошо знал и прекрасно понимал их историю. Неизменно оставаясь русским, он был в большей мере европейцем, чем всякий другой европеец, не способный выйти за пределы узко национальных рамок.

Герцен в своем обращении к Тургеневу в «Концах и началах» дал образную и яркую характеристику приверженности Тургенева к западноевропейской культуре наряду с оценкой его страха перед неустройством русской жизни, сулящим в грядущие годы великие потрясения. Герцен писал: «Итак, любезный друг, ты решительно дальше не едешь, тебе хочется отдохнуть в тучной осенней жатве, в тенистых парках, лениво колеблющих свои листья, после долгого знойного лета. Тебя не страшит, что дни уменьшаются, вершины гор белеют и дует иногда струя воздуха, зловещая и холодная, ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колено, дикого разлива рек, голой земли, выступающей из-под снега, да и вообще

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. X, стр. 331.

² Кроме упомянутых «Призраков» и «Довольно!» можно назвать «Три встречи», «Поездка из Альбано во Фраскати», «Вечные воды», эпилог «Накануне» (прекрасное описание Венеции).

нашего упования на будущий урожай, от которого мы отделены бурями и градом, ливнями, засухами и всем тяжелым трудом, которого мы еще не сделали... Что же, с Богом, расстанемся как добрые попутчики в любви и совете... Тебе остается небольшая упряжка, ты приехал—вот светлый дом, светлая река и сад и досуг и книги в руки. А я как старая почтовая кляча, затянувшаяся в гоньбе, из хомута в хомут, пока грохнусь где-нибудь между двумя станциями¹. Так противопоставлял Герцен золотую осень многовековой западной культуры весеннему раздолюю юной России. Его родине принадлежит то светлое будущее, которое нужно завоевать трудом и борьбой. Так воспринимал Тургенева великий русский патриот Герцен. Да, действительно, Тургеневу была свойственна эта тяга к устоявшемуся, оформленному быту стран Запада, к этому «светлому дому» и «светлой реке» и к «тенистому парку», «лениво колеблющему свои листья, после долгого зноного лета». Тяга, столь чуждая Герцену, чаявшему революционных бурь. Но Тургенева все же сближала с Герценом их страстная и глубокая любовь к родине, хотя она находила в каждом из них разное воплощение.

В «Довольно!» наряду с «пустынным садом заброшенного дворца», наряду с «древним собором» далекой, прекрасной страны, наряду «с барельефами афинских феорий» — описана могучая русская река с потемневшим льдом,зывающая «радостную, непонятную тревогу», овеянная дыханием приближающейся весны, любви и счастья. Все это было ведомо Тургеневу. Взор этого скиталяца по странам Запада был крепко прикован к России. В «Асе» описан этот взрыв неизбывной тоски по родине. «Помнится, я шел домой, ни о чем не размышлял, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими? — вскликнул я; мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение».

¹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. XV, стр. 242.

ние¹. Это — голос Тургенева. Это из его личного опыта. И как знаменательно то, что чувство России пробудил родной запах.

Из «грязного городишко» Виши, после прогулки под цветущими липами, Тургенев писал в Россию: «Этот сладкий запах напоминает мне родину; но нет здесь ее необозримых полей, полыни по межам, прудов с ракитами» (24 июня 1859 г.)². Интересно отметить, что и Герцен искал всюду на чужбине запахи родной земли как средство наиболее остро ощутить далекую родину.

Тургенев не в такой мере, как Герцен, осознал наступление общеевропейской трагедии, ставшей неизбежной после неудачи революционного движения 1848—1849 годов. Он действительно недостаточно чувствовал, что «вершины гор белеют и дует иногда струя воздуха, зловещая и холодная». Герцен предсказал, что «вся Европа выйдет из фуг своих и будет втянута в общий разгром»³. Автор «Былого и дум» умер накануне франко-прусской войны. Тургенева эта катастрофа, сигнализировавшая серию кровавых войн, на которые была обречена вся Европа, застала в Баден-Бадене.

Франко-прусская война потрясла Тургенева. «...Страшно и горестно было видеть в этой тихой прекрасной равнине, под кратким сиянием полузакрытого солнца этот безобразный след войны, и нельзя было не проклясть ее и безумно-преступных ее виновников»⁴. Тургенев относился резко отрицательно к режиму Наполеона III, развратившего и обессилившего Францию. Вначале он радовался крушению бонапартизма. Но торжество пруссачества, насилия над побежденной Францией вызывали отвращение и гнев в душе нашего подлинного гуманиста. В поражении Франции он видел крах ее правительства, а не победу немцев над французским народом. Тургенев приветствовал молодую республику и радовался, что «сила сопротивления растет: сознание своих ошибок есть начало их искупления»⁵.

В споре с поэтом А. К. Толстым Тургенев приветство-

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. VII, стр. 228.

² «Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», стр. 35.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VI, стр. 130.

⁴ «Корреспонденция о франкопруссской войне. «Русские пропилы». т. III, стр. 203, 1916.

⁵ Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу, стр. 121. М.—Л. 1925

И. С. Тургенев среди писателей-современников. (Слева направо: И. Тургенев, В. Соллогуб, Л. Толстой, Н. Некрасов, В. Григорович, И. Панаев). «Русский художественный листок» В. Тимма, 1857 г.

(Государственный Литературный музей)

вал то «могучее движение», которое «толкало Францию на путь демократизации»¹.

В немцах Тургенев видел нацию, былая высокая культура которой шла на убыль. Чуждый всякой расовой ненависти, Тургенев вместе с тем сумел обличить жестокую сущность немецких насильников. В его творчестве нашли место и положительные черты немецкого народа (Лемм — «Дворянское гнездо», Шиммель — «Фауст»), но этими положительными чертами наделены старики как последние маги из прежней немецкой культуры, вытесненные немцами новой формации, хищными и наглыми. В повестях и романах Тургенева можно найти ряд замечательных набросков немцев, изображенных с тонкой, но беспощадной иронией.

В романе «Накануне» описана подгулявшая компания немцев, с наглостью приставших к русским девушкам в парке Царицына. Решительный отпор, полученный разнозданной компанией, заставляет подвыпивших немцев трусливо ретироваться. В «Чертопханове и Недэлюскине» повторяется та же тема — немецкая наглость, превращенная в трусость при решительном отпоре. Образ наглого подвыпившего немца встречается и в «Вешних водах» (столкновение Санина с Дюнхофом из-за Джеммы). В особенности удался Тургеневу тип немца в образе Клюбера («Вешние воды»), этой «грошовой души», преисполненной тупого самодовольства. Еще более резко очерчены Тургеневым немцы в рассказах «Сэн» и «Несчастная». Действие «Сна» происходит в северном немецком городе, где показан образ немецкого барона, получившего возмездие за свое преступление — изнасилование русской женщины во время сна. Тургенев так характеризует его внешность: «Мне не нравилась улыбочка, с которой господин барон меня расспрашивал, не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзal в меня... В них было что-то хищное, покровительственное... что-то жуткое». К этому присоединялся еще глубокий шрам на лице — «странное было лицо у барона»². Такое лицо немца во времена Тургенева могли запечатлеть немногие.

В рассказе «Несчастная» выведен немец, выдававший себя за чеха, господин Ратч, с деревянным смехом и хо-

¹ К. Головин. Моя воспоминания. т. I, стр. 283. СПБ. 1908.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. X, стр. 147.

ледными белесыми глазами, как-то странно бегавшими из стороны в сторону. Этот Ратч был из тех «русских» немцев, которые состоят при помещиках в роли мелких Биронов или Аракчеевых. Это был «исполнитель» при жестоких и беспутных помещиках, образы которых Тургенев с такой художественной силой показал еще в «Записках охотника». Помещик Колотовский говорил о господине Ратче: «мой Аракчеев». «Сего мне достаточно... при усердии направление я сам дам»¹. Мстительный Ратч преследует и губит свою падчерицу—Сусанну, на матери которой—влюбленной помещика — он, в угоду последнему, женился.

В рассказе «Человек в серых очках» один француз из Южной Франции говорит о немцах: «Ведь и вы, как русский, должны их тоже ненавидеть... Вот погодите, — они еще дадут вам себя знать...»². Тургенев видел и неизбежность столкновения реакционного пруссачества с его великим соседом. «Вы хотите знать мое мнение об отношениях Германии и России? Ну так вот мое мнение: ...между обоими этими народами завяжется опустошительная война и начнет Германия»³, — писал чуткий русский патриот еще в 1879 году. Тургенев верил и в силы, и в великое будущее своего народа. «Мы, как народ юный и сильный, верим и имеем право верить в свое будущее»⁴.

Гюи де Мопассан писал о Тургеневе в своих воспоминаниях: «Гигант с серебряной головой, как гласилось бы в сказке фей. У него были длинные седые волосы, густые седые брови и большая седая голова, настоящей белизны серебра, отливающей блеском, сиянием, и окруженное этой белизной доброе спокойное лицо с чертами несколько крупными. И у этого колосса были жесты детские, боязливые и сдержаннны⁵».

Последние годы великого писателя, достигшего при жизни мировой славы, протекали также в постоянных путешествиях. В августе 1871 года он посещает Шотландию. В Эдинбурге на юбилейном торжестве в честь Вальтера Скотта русский писатель произнес речь. В 1873 году он посещает Жорж Санд в ее имении в Ноане. В 1878 году в Париже Тургенев принимает участие в Международном

¹ И. С. Тургенев. Цит. изд., т. VIII, стр. 110.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. XI, стр. 476.

³ Письма к Пичу. М.—Л. 1925, письмо № 1105.

⁴ Критические статьи и речи, т. II, стр. 234. Изд. Маркса, 1898 г.

⁵ Сборник «Иностранной критики Тургенева», 2-е изд., стр. 107.

литературном конгрессе, председателем которого явился Виктор Гюго. Русский писатель был избран вице-президентом этого конгресса. Во вступительной речи он назвал тех русских писателей, которые приобрели мировое значение¹. Еще в 1873 г. Тургенев сделался членом «Кружка пяти», в состав которого входили выдающиеся писатели-реалисты (Флобер, Гонкур, А. Доде и Э. Золя). В том же 1878 году Тургенев, в одну из своих поездок в Россию, посетил Ясную Поляну. В следующие годы Тургенев — в Англии; в Оксфорде, старом университетском городе, его торжественно облачили в пурпурную мантию доктора наук обычного права. В авторе «Записок охотника» справедливо признали борца за права человека и гражданина. Через год Тургенев у себя на родине, в Спасском-Лутовинове, готовился к выступлению с речью на пушкинских торжествах в Москве (в связи с открытием памятника на Тверском бульваре), которую он и пропизнес с большим успехом на собрании в Колонном зале.

Последние приезды Тургенева в Москву и Петербург сопровождались бурными овациями. В особенности горячо приветствовала знаменитого писателя учащаяся молодежь.

Во время пребывания на родине, в 1880 году, Тургенев был провозглашен почетным членом Московского университета.

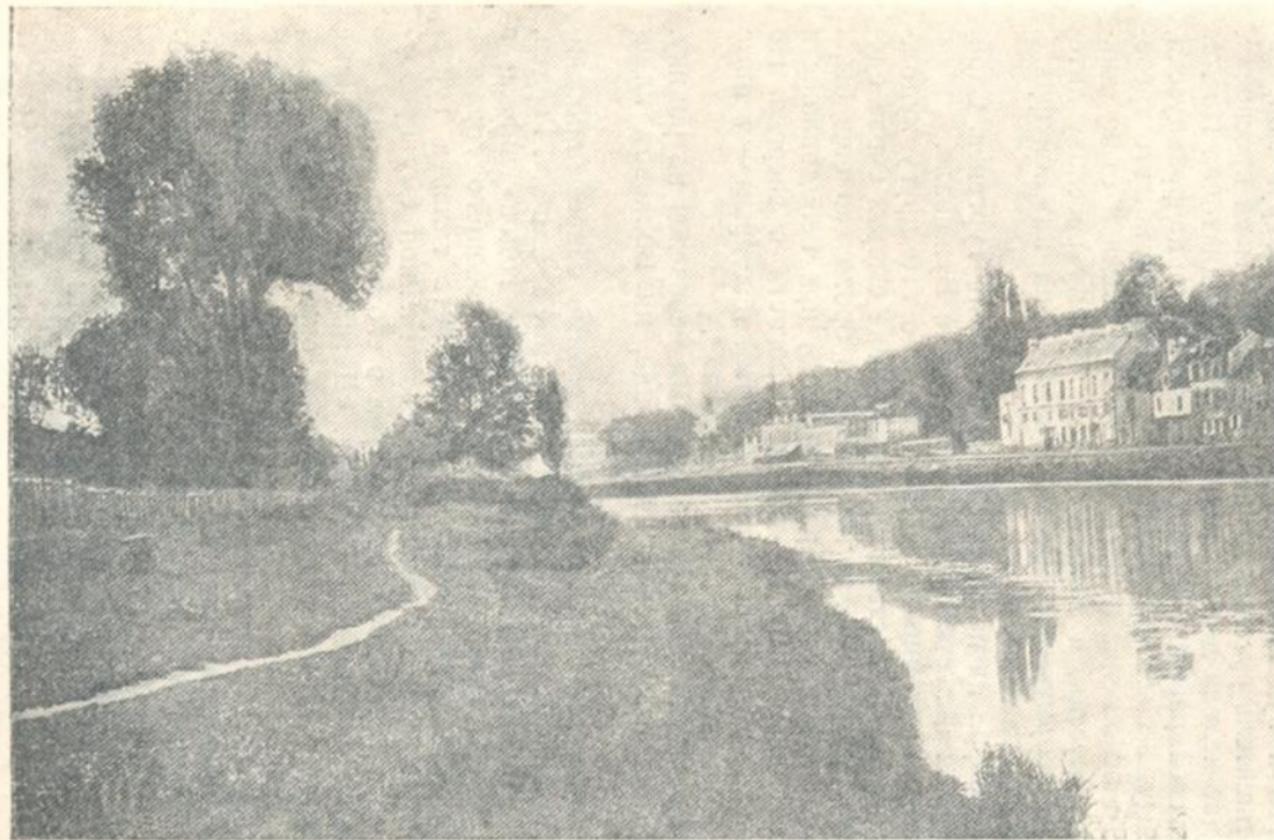
Конец лета 1881 года он провел в последний раз в своем «дворянском гнезде».

9 сентября Тургенев навсегда простился и со Спасским-Лутовиновым и с Россией. Жизнь Тургенева заканчивалась под Парижем в Буживале — на вилле Виардо. Тоскуя по родине, он писал в 1882 году (незадолго до смерти) поэту Полонскому: «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу»². Каждая безмерная тоска в нескольких строках прощального письма!

Жизнь Тургенева догорала в тяжелом сознании угасания на чужбине. Он умирал от мучительной болезни, оказавшейся раком спинного мозга. Чтобы облегчить невыносимые муки, умирающего поддерживали наркотиками.

¹ «Русские пропилеи», т. III, стр. 255.

² Первое собрание писем Тургенева, стр. 437. 1884.

Буживаль. С фотографии конца XIX века.
(Фототека Государственного Литературного музея)

До последних дней жизни Тургенев оставался на своем посту литератора. Он писал Л. Н. Толстому, заклиная его вернуться к художественному творчеству: «Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе»¹.

За две недели до кончины умирающий диктовал Полине Виардо свой рассказ: «Конец». Диктовал он по-французски, не имея уже сил отделять каждую фразу, как это требовало его отношение к русскому языку. «Если я стану диктовать по-русски, я захочу придать своему рассказу литературную форму, буду останавливаться на каждой фразе, на каждом слове»².

Так умирал на посту русского писателя Тургенев. Скончался он 22 августа ст. ст. 1883 года в Буживале.

О покойнике писала Полина Виардо его другу художнику Пичу: «Величественное спокойствие смерти снова сделало его прекрасным. В первый день брови его еще были сдвинуты судорогой страдания, что, при неподвижности лица, придавало ему выражение строгости и энергии. Но на второй день, он снова стал нежным и добрым — в иные минуты казалось, вот-вот улыбнется»³.

Из Буживала прах Тургенева был перевезен на родину. Его могила находится в Ленинграде, на Волковом кладбище.

И. С. Тургенев высоко оценен своими современниками, как поколением «отцов», так и поколением «детей». Герцен, Боткин, Анненков и другие «люди 40-х годов» видели в нем великого художника слова, составляющего гордость России. Белинский не дожил до расцвета таланта Тургенева, но он, как мы видели, со свойственной ему прозорливостью и страстью, усмотрел в его ранних вещах заряд будущего пышного цветения. «Дети» — революционные демократы, при всех расхождениях своих с Тургеневым, высоко ценили его подлинный гуманизм и художественную силу. Н. Г. Чернышевский отмечает тягу Тургенева к тому, «что называется поэзией жизни и к вопросу гуманности». Он пишет: «В нашей литературе только два авторитета: г. Тургенев и г. Гончаров»⁴.

Н. А. Добролюбов сочувственно отмечает в Тургеневе его отзывчивость на реальные потребности своего времени,

¹ Первое собрание писем Тургенева, стр. 551. 1884.

² М. М. Стасюлевич и его современники в переписке, т. I, 1912.

³ Письма И. С. Тургенева к Людвигу Пичу, стр. 227.

⁴ «Современник», № 3. 1861.

еще только смутно начинавшие волновать общество. Молодой критик ценил в нем то «трогательное участие», с которым Тургенев относился к своим героям и умел этим заражать и массу читателей. «Не бурная, порывистая сила, а напротив — мягкость и какая-то поэтическая умеренность служат характеристическими чертами его таланта»¹, — писал Добролюбов. Д. И. Писарев ценил в Тургеневе «самую трогательную искренность» и считал его «одним из лучших людей прошлого поколения»². Салтыков-Щедрин видел в Тургеневе продолжателя пушкинских традиций в нашей литературе. «Тургенев был человек высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоценимую заслугу перед русским обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе он не знает»³.

А. М. Горький в своем курсе русской литературы, как уже было отмечено, берет под защиту мечтателей 40-х годов, к числу которых он причисляет и самого Тургенева. «Приняв во внимание все условия времени — и гнет правительства, и умственное бессилие общества, и отсутствие в массах крестьян сознания своих задач, — мы должны будем признать, что мечтатель Рудин, по тем временам, был человеком более полезным, чем практик, деятель... Нет, Рудин. лицо не жалкое, как принято к нему относиться, это несчастный человек, но — своеевременный и сделавший не мало доброго. Ведь, как уже сказано, Рудин — это и Бакунин, и Герцен, и отчасти сам Тургенев, а эти люди, вы знаете, недаром прожили свою жизнь и оставили для нас превосходное наследство»⁴. Это наследство широко вошло в советскую культуру.

В.-И. Ленин называет язык Тургенева великим и могучим⁵ Н. К. Крупская свидетельствует, что Владимир Ильич не только читал, но много перечитывал Тургенева, Л. Н.

¹ Н. А. Добролюбов. «Литературная критика», стр. 208—209, 1935.

² Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 372, 1894.

³ См. анонимный некролог Тургеневу, помещенный в № 9 «Отечественных записок». 1894.

⁴ М. Горький. «История русской литературы», стр. 176. ГИХЛ, 1939.

⁵ Тургенев упомянут В. И. Лениным в ряду Толстого, Добролюбова, Чернышевского. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., 3-е изд. т. XVII, стр. 130.

Толстого, «Что делать?» Чернышевского¹. Об интересе В. И. Ленина к Тургеневу свидетельствуют и частые ссылки на его образы в выступлениях и статьях, в которых Ленин цитирует «Бурмистра», «Отцы и дети», «Дым», «Новь», «Асю», «Стихотворения в прозе».

В советскую эпоху Тургенев сделался одним из любимых классиков. Тираж его сочинений, изданных за время с 1917 года до Великой Отечественной войны, дошел до 10 338 000 экз. Они переведены на 39 языков нашего Союза. Тургеневский музей в Орле стал крупным культурным очагом. Организованный в годы революции в Спасском-Лутовинове заповедник привлекал многочисленные экскурсии в родное гнездо русского писателя-патриота.

Немецкие вандалы разорили тургеневские места во время своего пребывания на советской земле. Но советские люди, глубоко чтящие память писателя, делают все возможное чтобы в кратчайший срок восстановить Тургеневский заповедник.

Огромное влияние Тургенева на развитие не только русской, но и мировой литературы еще очень мало изучено.

Великий русский писатель Тургенев, вошедший в среду выдающихся писателей мира, был высоко ценим ими. Почтитель Пушкина — Проспер Мериме о нем пишет: «Во Франции Тургенев был другом Густава Флобера, Эдмона де Гонкура, Виктора Гюго, Эмиля Золя и Альфонса Доде». Жорж Санд посвятила ему свой рассказ «Пьер Коннен». Французская писательница признала пре-восходство Тургенева над собой и своими собратьями по литературе. В 1868 году она писала о нем: «Я его очень мало знаю, но знаю наизусть. Какой талант и как это оригинально и сочно. Я нахожу, что иностранцы пишут лучше нас. Они не позируют, а мы или драпируемся или бесцеремонно разваливаемся»².

Не одни французы оценили его. Нет ни одного культурного народа, который прошел бы мимо Тургенева. Английский журнал «Атенеум» в некрологе о русском писателе признал, что «Европа единодушно дала Тургеневу первое место»³.

В своем надгробном слове Эрнест Ренан называл Тургенева совестью целого народа. «Прежде чем родиться на

¹ «Ленин и искусство». Изд. «Советский писатель», стр. 147.

² «Тургеневский сборник», стр. 101, СПБ. 1921.

³ Номер от 6/IX 1883.

свет, он уже жил в продолжение тысячелетий; бесконечный ряд поэтических образов сосредоточился в глубине его сердца. Ни один человек не вспоминал в себе так полно целой народности. В нем жил целый мир и говорил его устами». В Тургеневе Ренан приветствовал не только выразителя души русского народа, но и всего славянства. «Честь и слава великой славянской расе, появление которой на авансцене — есть самое поразительное явление нашего века; честь и слава ей, что она так рано нашла выразителя в таком несравненном художнике». И, учитывая все это, французский ученый признает всечеловеческое значение Тургенева: «Он принадлежит всему человечеству»¹.

Для нашего времени имя Тургенева знаменательно. С его творчеством связывается идея глубокого патриотизма. В нем нашел отражение свободолюбивый и благородный характер русского народа. Он умел сочувствовать всемуенному, что создавало человечество.

До нас доносится напутствие Тургенева грядущим поколениям, напутствие, полное веры и любви, вложенное им в уста Лаврецкого:

«Играйте, веселитесь, растите, молодые силы... Жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть, и сколько из нас уцелело! — А вам надобно дело делать, работать, — и благословение нашего брата-старика будет с вами»².

¹ Э. Ренан. Речь над гробом. Русский перевод в сборнике, составленном П. Перцовым: «О Тургеневе русская и иностранная критика», стр. 187—189 М. 1918.

² И. С. Тургенев. Цит. изд., т. III, стр. 358.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ.

Стр.

И. С. Тургенев в начале 40-х годов. Портрет работы Лами (Государственный Литературный музей)	3
Титульный лист «Записок охотника» с автографом И. С. Тур- генева. (Из собрания книг с автографами, хранящихся в Государственном Литературном музее)	15
И. С. Тургенев в начале 50-х годов. С daguerroтипа. (Государ- ственный Литературный музей)	23
Спасское-Лутовиново. Дом и парк. Работа поэта Я. Полонского. (Институт Литературы, Ленинград)	25
Полина Виардо. Акварель 40-х годов П. Соколова. (Государ- ственный Литературный музей)	55
И. С. Тургенев среди писателей-современников. Русский худо- жественный листок Б. Тимма. Литография 1857 г. (Госу- дарственный Литературный музей)	59
Буживаль. С фотографии конца XIX века	63
На обложке портрет И. С. Тургенева работы В. Г. Перова. (Государственная Третьяковская галерея).	

Отв. редактор
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Техн. редактор З. П. Эстрова

Подписано к печати 28/IV 1947 г. Л-95305

Формат 84×108^{1/2}. 3600 тип. знак в 1 печ. л. Объем 4^{1/4} п. л. Уч.-авт. л. 3,5.
Тираж 20 000 экз. Цена 3 р. Заказ № 1243

Типография Госэнергопиздата МЭС. Москва, Шлюзовая наб., 10.

Адрес издательства:
Москва, Моховая ул., 6.
Государственный Литературный Музей